Операция
«Вуду»
Бретт Сойер

Операция «Вуду»

Бретт Сойер

Настоящий текст представляет собой художественное произведение. Персонажи, сюжетные линии, организации, события и описанные обстоятельства являются вымышленными либо переосмыслены автором в художественной форме. Возможные совпадения с реальными людьми, организациями, компаниями или историческими событиями не являются умышленными.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Розовый снег на Львовской

Глава 2. Совпадения, которые нельзя доказать

Глава 3. Форум «Вреди»

Глава 4. Методичка из Охотного ряда

Глава 5. Смена вывески

Глава 6. Спасение по расписанию

Глава 7. Симфония для Пахана

Глава 8. Прага, Рига, тени

Глава 9. Операция «Вуду»

Глава 10. Чаша для Мейендорфа

Глава 11. Пустое небо над Ордынкой

Пролог

Москва, отделение реанимации Первой градской больницы, февраль 1976 года.

Аппарат ИВЛ выдыхал ровно, механически, как будто ему было всё равно. Виктор Гаврилович Панкратов — инженер шестидесяти трёх лет лежал под простынёй с обнажённым плечом, и в это плечо санитар Саша Дворкин только что ввёл содержимое шприца, которое не значилось ни в одном листе назначений.

Ночная медсестра Тамара Игнатьевна дремала за стойкой в конце коридора — за это её потом уволят, но не сейчас. Сейчас в палате было тихо, только капало из системы да шелестела бумага, которую Саша аккуратно подложил обратно в папку.

Панкратов открыл глаза. Не сразу — сначала дёрнулось веко, потом второе. Взгляд у него был мутный со сна и морфия, но когда он остановился на лице склонившегося санитара, что-то в этом взгляде изменилось. Не страх ещё. Удивление.

— Пить, — прохрипел Панкратов.

— Сейчас, — сказал Саша и не пошевелился.

Он смотрел, как меняется дыхание — сначала чаще, потом рвано, потом с паузами, которые становились длиннее одна другой. Он держал руку на запястье старика, не считая пульс, а просто ощущая, как тот уходит, будто вода в сливе, которую можно было бы придержать ладонью, но незачем.

— Ты не представляешь, — сказал Саша тихо, почти нежно, наклонившись к самому уху умирающего, — как меняется взгляд человека, когда он понимает, что я вливаю в него его собственную смерть.

Панкратов не мог ответить. Его глаза, всё ещё открытые, смотрели куда-то мимо санитара — в потолок, выкрашенный в больничный зелёный, туда, где раньше, наверное, представлялось небо. Саша проследил за этим взглядом и тоже посмотрел вверх. Потолок как потолок. Трещина у вентиляционной решётки, пятно от протечки, лампа дневного света, одна из трёх не горит уже вторую неделю.

Пусто.

Он досчитал до сорока — про себя, не по секундной стрелке, а просто считая удары в запястье старика, всё реже, реже, — и когда досчитал до конца, положил руку Панкратова обратно на простыню, аккуратно, как раскладывают вещь, которой больше не будут пользоваться.

Утром дежурный врач Ким Борисович подпишет: «Острая сердечно-сосудистая недостаточность на фоне основного заболевания». Восьмая смерть, пришедшаяся на его дежурства за последние три месяца. Санитары в столовой уже шутили за его спиной — «лёгкая рука у Сашки, кто под его дежурство попадает, тот не жилец», — но шутили без злобы, потому что в реанимации умирают, это не тайна, это работа такая.

Саша вымыл руки в раковине у входа в ординаторскую, тщательно, между пальцами, и посмотрел в маленькое зеркало над краном. Оттуда на него смотрел двадцатилетний парень с бледным лицом и внимательными, будто фотографирующими глазами. Он не улыбался. Он просто смотрел, как смотрят на редкий экземпляр под увеличительным стеклом — с интересом, без сочувствия.

Через два месяца он уволится «по собственному желанию» — в трудовой книжке так и запишут, — и уедет из Москвы автостопом, без денег, без вещей, по трассе на юг, будто в отделении случилось что-то, из-за чего оставаться в городе стало невозможно. Никто не спросит его, почему. Никто не сопоставит восемь смертей, пришедшихся на его дежурства за три месяца, с почерком восемнадцатого века — «слишком тихо, слишком легко, слишком вовремя».

Он будет идти по трассам полгода. Где-то в Ставрополье, ночуя в кузове грузовика с арбузами, он впервые запишет в тетради фразу, которую потом повторит десятки раз, десяткам людей, в разных городах и на разных языках: «Бога нет. Есть только абсолютно пустое небо».

Он проверял это каждую ночь, глядя вверх с очередной обочины. Никто не приходил. Никто не спасал тех, кто верил, что их спасут. И раз так — решил он где-то между Ростовом и Тбилиси, — то место спасителя вакантно. А вакансии, как известно, не терпят пустоты дольше положенного срока.

Через тридцать пять лет в другом городе, в другой стране, женщина по имени Анна Бойко выйдет утром во двор дома на улице Львовской в Киеве и увидит своего пса лежащим на боку у мусорных баков — неподвижно, с розовой пеной у пасти. Она ещё

не будет знать, что вакансия, объявленная где-то на ставропольской трассе в 1976 году, к тому моменту уже давно занята, и что след от неё тянется через её собственный двор.

Глава 1. Розовый снег на Львовской

Декабрьский утренний воздух обжигал гортань колючим холодом. Двор дома по Львовской улице еще тонул в сизых сумерках, когда скрипнула металлическая дверь подъезда. Брезентовый поводок с потертым карабином привычно холодил ладонь. Обычно Гром, крупный метис овчарки с нелепым белым пятном на левом ухе, выбегал на улицу первым, натягивая стропу так, что звенели кольца ошейника. Этим утром поводок болтался без дела — собака выскочила во двор еще десять минут назад, пока хозяйка искала ключи.

Тишина стояла абсолютная, глухая, нарушаемая лишь отдаленным гулом уборочной машины с проспекта. У мусорных баков, где вечно крутились местные коты, виднелось темное пятно.

Сначала показалось, что Гром просто нашел выброшенную кем-то кость и теперь увлеченно грызет ее, припав к мерзлому асфальту. Шаги по хрустящему насту гулко разносились в стылом воздухе. Подойдя ближе, можно было разглядеть неестественно вывернутую заднюю лапу пса. Шерсть на загривке стояла дыбом, но сам он не шевелился.

Карабин выскользнул из онемевших пальцев и звякнул о лед.

Гром лежал на боку. Глаза были открыты, остекленевший взгляд упирался в кирпичную стену бойлерной. Вокруг приоткрытой пасти, на примятом снегу, застыла густая розовая пена. Она резко контрастировала с грязновато-белым покровом двора, выглядела химической, чужеродной, словно кто-то пролил здесь дешевый фруктовый сироп. Но запаха сиропа не было. Пахло сыростью, псиной и чем-то резким, медикаментозным.

Колени сами подогнулись. Пальцы в тонких перчатках коснулись жесткой шерсти на боку пса — тело еще хранило остатки тепла, но грудная клетка уже не вздымалась. Никаких следов крови, никаких ран. Только эта едкая розовая слюна, вмерзшая в лед.

Спустя два часа кабинет участкового встретил посетительницу запахом застарелого табака. Капитан милиции Гнатюк, тучный мужчина с серым от недосыпа лицом, методично перекладывал бумаги на столе, стараясь не смотреть на сидящую напротив женщину.

— Поймите меня правильно, Бойко, — голос Гнатюка звучал монотонно, как заезженная пластинка. — Я вам сочувствую. Хорошая была собака, крупная. Но вы от меня чего хотите? Чтобы я опергруппу вызывал? План-перехват объявлял?

— Я хочу, чтобы вы зафиксировали факт отравления, — голос дрогнул, но фраза прозвучала твердо. — Там на снегу остались следы. Это яд. Кто-то намеренно разбросал отраву в жилом дворе, где гуляют дети.

Ручка в пальцах участкового раздражающе щелкнула. Он придвинул к себе бланк и начал заполнять шапку, тяжело опираясь локтем о столешницу.

— Собака — не человек. Состава преступления здесь нет. Ущерб имуществу? У вас на нее чеки есть, родословная за тысячу долларов? Нет. Дворняга. Жестокое обращение? Так никто ее не бил при свидетелях. Съела что-то на помойке, бывает. Крысиный яд дворники рассыпали, или бомжи какую-то дрянь выкинули.

— Дворники не сыплют крысиный яд прямо на снег у детской площадки. Это были розовые пятна. Я сфотографировала на телефон.

Экран старенького смартфона лег поверх стопки отказных материалов. Гнатюк мазнул по нему равнодушным взглядом.

— Розовый снег. Очень поэтично. Анна Сергеевна, вы же вроде журналистка? Вот и напишите статью о том, как опасно выгуливать животных без намордника. А я дело заводить не буду, прокуратура мне этот материал в тот же день завернет с пометкой «отсутствие состава преступления». Забирайте труп, везите в клинику на утилизацию. И подпишите вот здесь, что претензий не имеете.

Спорить с этой стеной ведомственного безразличия было бесполезно. Кабинет давил теснотой, гудение старого системного блока под столом ввинчивалось в виски. Поставив неровную подпись внизу бланка, Анна молча вышла в коридор.

Возвращение во двор далось тяжело. Тело Грома уже забрал вызванный знакомый ветеринар, оставив после себя лишь выскобленный до асфальта участок снега. У соседнего подъезда, ритмично взмахивая метлой, работала дворничиха. Чуть поодаль, кутаясь в пуховую шаль, топталась на месте Людмила Тарасовна — пенсионерка со второго этажа, чья крошечная болонка сейчас суетливо обнюхивала заледенелый куст.

— Анечка, деточка, — старушка первой бросилась навстречу, прижимая варежку к губам. — Мне Степановна сказала уже. Горе-то какое! Громик, умница такой был, никогда не лаял попусту…

— Людмила Тарасовна, вы вчера вечером с Жужей когда гуляли? — перебивать было невежливо, но времени на долгие соболезнования не оставалось. Внутри зрела холодная, острая злость.

Пенсионерка заморгала, переключаясь с причитаний на конкретный вопрос.

— Так после вечерних новостей и вышли. Часов в десять. Темно уже было, фонарь у нас, сама знаешь, через раз горит.

— Никого чужого у баков не видели? Или, может, кто-то из своих крутился?

Болонка натянула тонкий поводок-рулетку, пытаясь подобраться к тому самому месту у стены бойлерной. Людмила Тарасовна резко дернула собачку на себя.

— Чужих не видела. А вот Кольку видела. Соколовского, из третьего подъезда.

Метла дворничихи на секунду замерла в воздухе и снова зашуршала по асфальту.

— Что он делал?

— Да странный он был какой-то. В куртке своей этой черной дутой. Стоял у баков, курил. А потом из пакета полиэтиленового что-то сыпанул прямо в сугроб. Я еще подумала — мусор, что ли, донести не может, прям на снег бросает? Сделала ему замечание, а он зыркнул так недобро, капюшон натянул и в подъезд юркнул. Жужа еще рычала на него, она Кольку этого терпеть не может.

Слова соседки зацепились за сознание, как репейник. Николай Соколовский. Тридцать с небольшим, нигде толком не работает, часто скандалит с соседями из-за парковочных мест. Неделю назад Гром облаял его у подъезда, когда тот пнул бездомного кота.

Оставив пенсионерку, Анна подошла к нетронутому участку снега чуть в стороне от того места, где лежал пес. Присев на корточки, она присмотрелась. На белом фоне четко выделялись несколько гранул. Бледно-розовые, размером с горошину, они слегка подтаяли по краям, впитавшись в ледяную корку. Это не было похоже ни на крысиную отраву из хозмага, ни на удобрения. Осторожно, чтобы не касаться голыми руками, она подцепила одну гранулу ключом и сбросила в пустой спичечный коробок, найденный в кармане куртки.

Квартира встретила звенящей пустотой. В прихожей по-прежнему лежал потрепанный коврик, на кухне стояла миска с недоеденным вчерашним кормом. Стараясь не смотреть на эти вещи, Анна прошла в комнату и открыла ноутбук.

До сегодняшнего дня ее журналистская работа сводилась к написанию колонок для городской рубрики. Она писала о вырубке старых каштанов, о затянувшейся реконструкции теплотрасс, о новых лавочках в скверах. Криминал, расследования, кровь — все это оставалось по ту сторону экрана, в разделах происшествий, куда она старалась не заглядывать.

Поисковая строка браузера мигнула курсором. Пальцы быстро набрали: «розовый снег отравление собак».

На странице поиска мелькнула ссылка на одесский новостной портал. Статья была датирована концом ноября 2011 года, всего три недели назад. Заголовок гласил: «Массовая гибель животных в спальных районах Одессы: милиция бездействует».

Кликнув по ссылке, Анна впилась глазами в экран. Текст описывал точно такую же картину: утренние прогулки, судороги, розовая пена у пасти. Но главное было в другом. К статье прилагалась фотография, сделанная кем-то из местных жителей. На снимке крупным планом лежали похожие гранулы — бледно-розовые, с характерной неровной текстурой. Подпись гласила: «По предварительной версии ветеринаров, в приманке мог находиться противотуберкулезный препарат, который связывали с отравлениями собак. Сам препарат относится к рецептурным, хотя владельцы животных жалуются, что на практике его удается купить и без рецепта».

Одесса. Ноябрь. Десятки случаев. Киев. Декабрь. Ее собственный двор.

Это не было случайностью. Бомжи не покупают специфические лекарства в аптеках, чтобы смешивать их в правильных пропорциях. Это была технология.

Инструкция, передаваемая из рук в руки, от города к городу. И кто-то в ее дворе этой инструкцией воспользовался.

Открыв админку своего блога на платформе городского издания, она начала печатать. Текст ложился на виртуальную бумагу рвано, жестко. Она не подбирала метафор, не пыталась сделать абзацы красивыми. Она писала о том, как полиция отказывается выезжать на вызовы. О розовых пятнах на снегу. О том, что препарат, убивающий собак в муках, продается без рецепта.

Вставив фотографию гранул, сделанную утром на телефон, она на мгновение замерла. Журналистская этика требовала проверки фактов. Правило двух источников, презумпция невиновности. Но перед глазами стоял остекленевший взгляд Грома.

В последнем абзаце она напечатала: «Соседи видели, как накануне вечером отраву у мусорных баков разбрасывал жилец третьего подъезда Николай Соколовский. Пока милиция отказывается заводить дела из-за “отсутствия состава”, убийцы спокойно ходят рядом с нами».

Кнопка «Опубликовать» щелкнула под пальцем. Статья ушла в сеть.

Остаток дня прошел как в тумане. Нужно было отвечать на звонки редактора, который сначала ругался за самоуправство, а потом, увидев растущие просмотры, сменил гнев на милость. Нужно было вынести из прихожей поводок и спрятать его в дальний ящик шкафа.

Ближе к полуночи Анна обновила страницу блога. Под постом уже скопилось около сотни комментариев. Большинство выражало сочувствие, кто-то делился похожими историями из других районов Киева. Но один комментарий, появившийся всего десять минут назад, заставил внутренности сжаться от неприятного холодка.

Пользователь без аватарки, зарегистрированный под ником *Doghunter_Odessa*, оставил короткое сообщение:

«Зря ты имя написала. Собака — это просто мусор, а вот за клевету придется ответить. Занимайся своими делами, писательница. Пока есть чем писать».

Курсор мыши завис над кнопкой «Удалить комментарий». Угроза из интернета — обычное дело для любого популярного текста. Тролли питаются вниманием. Но никнейм с упоминанием Одессы бил точно в цель. Они мониторили публикации. Они отслеживали реакции.

Экран ноутбука погас, погрузив комнату во тьму, но сон так и не пришел. Каждая проезжающая за окном машина заставляла прислушиваться.

Утро началось не с будильника, а с резкой трели мобильного телефона. На часах было половина восьмого. На экране высветился незнакомый городской номер.

— Да? — голос спросонья прозвучал хрипло.

— Анна Сергеевна Бойко? — мужской голос на том конце провода был поставленным, гладким и абсолютно безэмоциональным. Так говорят дикторы новостей или автоответчики в банках.

— Кто это?

— Меня зовут Алексей. Я представляю интересы Николая Соколовского. Вчера вы опубликовали материал, в котором прямо обвинили моего клиента в совершении преступления, опираясь на показания пожилой женщины, страдающей катарактой.

Сон слетел мгновенно. Анна села на кровати, натягивая одеяло на плечи.

— Ваш клиент разбрасывал отраву…

— Мой клиент вчера вечером выносил строительный мусор, — мягко, но с нажимом перебил адвокат. — И у нас есть свидетели. А вот у вас, Анна Сергеевна, есть статья за клевету в публичном пространстве. И иск о защите чести и достоинства, который ляжет на стол судьи ровно в полдень, если пост не исчезнет.

— Вы адвокат? — она попыталась перехватить инициативу. — Откуда у Соколовского деньги на адвоката? Он за коммуналку полгода не платит.

Короткий смешок в трубке прозвучал сухо, как треск ломающейся ветки.

— Юридическая помощь бывает и на общественных началах. Для тех, кто страдает от травли некомпетентных журналистов. У вас есть два часа, чтобы удалить публикацию и написать опровержение. Иначе вам придется оплачивать из своего кармана не только судебные издержки, но и моральный ущерб. А суды у нас, как вы знаете, работают куда эффективнее участковых, когда дело касается правильных людей.

Связь оборвалась. Короткие гудки отдавались в ухе ровным, механическим ритмом.

Анна опустила телефон на колени. За окном занимался бледный зимний рассвет. Дворник снова скреб лопатой по асфальту, счищая свежий снег, выпавший за ночь.

Вчерашние розовые пятна наверняка уже скрылись под белым слоем, исчезли, как будто их никогда не было. Но механизм, запущенный вчера на Львовской улице, уже начал вращаться, и его шестеренки оказались куда крупнее, чем мог вообразить равнодушный участковый в своем прокуренном кабинете. Убийство собаки было лишь первым, самым тихим аккордом в партитуре, которая только начинала звучать. И кто-то уже написал для нее ноты.

Глава 2. Совпадения, которые нельзя доказать

Таблица состояла из сорока семи строк. Распечатанный на старом лазерном принтере лист формата А4 лежал на деревянном столе шумной кофейни у Контрактовой площади, придавленный тяжелой керамической чашкой остывшего американо. Первая колонка содержала точные даты. Вторая — улицы, дворы и парки Киева. Третья, самая узкая, фиксировала тип использованного вещества, если ветеринарам удавалось его установить после вскрытия.

Анна провела колпачком шариковой ручки по трем последним строкам, датированным концом января. За панорамным окном кофейни валил густой, мокрый снег, превращая спешащих прохожих в сгорбленные темные силуэты. Кофемашина за барной стойкой ритмично шипела, выпуская облака пара. Дверь заведения с лязгом открылась, впуская ледяной уличный сквозняк и мужчину в потертой зеленой штормовке.

Вошедший остановился у входа и оглядел зал цепким, сканирующим взглядом. Заметив лежащую на столе распечатку, он уверенно направился к угловому столику. Пётр Гнатюк оказался полной противоположностью своему однофамильцу-участковому, с которым Анне довелось общаться в прокуренном кабинете месяц назад. Худой, жилистый, с глубокими залысинами и аккуратно подстриженной бородкой, он двигался резко, но без лишней суеты.

— Бойко? — спросил он, придвигая стул с металлическим скрипом.

— Да, — кивнула она. — Садитесь. Кофе?

— Чай. Черный, без сахара.

Пока официантка принимала заказ, Пётр расстегнул куртку и выложил на стол толстую пластиковую папку. По образованию инженер-системотехник, он не был похож на типичного зоозащитника, какими их обычно рисовала пресса — никаких эмоций, надрыва или причитаний. Только сухая методичность человека, привыкшего работать с массивами данных.

— Я читал вашу статью, — начал он, едва официантка отошла к соседнему столику. Голос у него был тихий, но плотный, без интонационных скачков. — Вы сделали тактическую ошибку, назвав имя этого соседа.

— Он разбрасывал приманки у детской площадки.

— Возможно. Но вы дали им повод перевести дело в плоскость гражданского иска о защите чести и достоинства. Теперь милиция вообще не будет искать реальные улики на месте, они просто подошьют это к материалам как бытовой соседский конфликт.

Анна сцепила пальцы в замок, чувствуя, как внутри поднимается раздражение.

— Адвокат звонил мне в тот же день. Угрожал судом и колоссальными штрафами.

— И вы удалили текст?

— Нет. Я скрыла его из общего доступа до выяснения обстоятельств. Редактор настоял, чтобы мы не лезли на рожон без железной доказательной базы.

Пётр усмехнулся, пододвигая к себе распечатку Анны.

— Сорок семь случаев, — он постучал сухим пальцем по бумаге. — Это только те, что я смог достоверно подтвердить через закрытые форумы владельцев и выписки из ветеринарных клиник с июля прошлого года. Реальная цифра по городу втрое больше. Вы пытаетесь поймать одного исполнителя в своем дворе. А смотреть нужно на систему целиком.

Он открыл свою папку. Внутри аккуратными стопками лежали листы с графиками, распечатки с региональных новостных сайтов и подробные карты города с нанесенными маркером точками.

— Давайте поиграем в совпадения, Анна Сергеевна.

Инженер достал из внутреннего кармана сложенный вдвое лист плотной бумаги и развернул его поверх карты районов. Это был обычный настенный календарь за прошедшие полгода, но некоторые даты были обведены синим маркером, а другие — красным.

— Синие кружки — это пики массовых отравлений. Дни, когда в дежурные клиники поступало по пять-семь животных за один вечер. Троещина, Оболонь, Дарница. Густонаселенные спальные районы.

Анна наклонилась ближе, изучая цветовую разметку.

— А красные?

— А красные — это политическая жизнь столицы и страны в целом.

Пётр достал шариковую ручку и начал соединять разноцветные кружки прямыми линиями.

— Девятое сентября. Массовый падеж собак на Борщаговке. В этот же день в центре Киева проходит крупный митинг независимых профсоюзов, протестующие перекрывают Крещатик. Третье ноября. Отрава разбросана на Русановке. В центре — жесткие столкновения возле здания Верховной Рады, толпа ломает металлическое ограждение. Пятнадцатое декабря. Снова Оболонь, паника в местных пабликах, люди боятся выходить на улицу. А на Майдане Независимости в это время спешно стягивают внутренние войска из-за несанкционированной акции оппозиции.

Ручка замерла над плотной бумагой.

— Одиннадцать точных совпадений, — тихо сказал Пётр, глядя Анне прямо в глаза. — В нашей выборке из сорока семи зафиксированных нами крупных инцидентов одиннадцать произошли день в день с массовыми акциями протеста в центре города.

Анна перевела взгляд с исполосованного линиями календаря на спокойное лицо инженера.

— Вы хотите сказать, что кто-то намеренно убивает дворняг, чтобы отвлечь внимание от митингов? Это звучит как классическая теория заговора. Кому какое дело до собак на окраинах, когда в правительственном квартале политический кризис?

— Дело не во внимании прессы, — Пётр отпил принесенный чай, поморщившись от крепости заварки. — Дело в физических ресурсах правоохранительных органов. Когда на Троещине за один вечер бьются в конвульсиях десять животных на глазах у гуляющих детей, местные жители впадают в истерику. Они начинают обрывать телефоны дежурных частей. Начинаются стихийные сходы дворами, люди требуют немедленного приезда нарядов милиции, угрожают устроить самосуд над подозрительными прохожими. Районные отделы вынуждены реагировать на угрозу нарушения общественного порядка.

Он выдержал долгую паузу, давая тяжелой информации осесть в сознании собеседницы.

— А теперь представьте ситуацию с другой стороны. Именно в этот день, по экстренному приказу городского управления, усиленные наряды патрульно-постовой службы сняты со своих обычных маршрутов в спальных районах и переброшены в центр для оцепления правительственных зданий. На местах в огромных районах остаются только дежурные следователи и пара сонных участковых.

Анна почувствовала, как по спине пробежал неприятный, колючий холодок.

— Районы остаются абсолютно голыми, — произнесла она, складывая пазл.

— Именно. Идеальное время для любых силовых провокаций. Идеальное время для обкатки логистики и тренировки личного состава.

— Кто они? У них есть какое-то название, структура?

— Они называют себя «догхантеры».

Слово резануло слух. Англицизм звучал стерильно, почти профессионально, как название IT-стартапа.

— Я видела это слово на форумах собаководов, — сказала Анна, не отрываясь от записей. — Думала, это просто хлесткий ярлык, который придумали мои коллеги-журналисты для красного словца.

— Нет. Это их собственное самоназвание. Они гордятся им. Считают себя санитарами города, элитой, очищающей улицы от мусора.

Пётр достал из внутреннего кармана куртки смартфон, разблокировал экран и открыл скрытую галерею.

— Я пытался отследить их координацию в сети. В открытом доступе они общаются туманными намеками, используют специфический сленг, понятный только своим. Но есть закрытые площадки, где они сбрасывают маски.

Он повернул экран телефона к Анне. На цифровой фотографии был запечатлен монитор стационарного компьютера. Темный, почти черный фон страницы, агрессивный красно-белый дизайн блоков. В левом верхнем углу готическим, ломаным шрифтом значилось название ресурса: «Вреди».

— Закрытый форум, — сухо пояснил Пётр. — Регистрация возможна только по прямым приглашениям от действующих участников с высоким рейтингом доверия. Никаких случайных прохожих. Я пытался пробиться туда под видом сочувствующего живодера, создал правдоподобную легенду, но на этапе технической проверки IP-адреса и истории социальных сетей меня мгновенно заблокировали.

На размытом скриншоте отчетливо виднелась структура тематических разделов. «Обмен опытом: рецептуры», «Юридическая поддержка при задержании», «СМИ о нас: анализ врага». И сухая статистика в самом низу страницы: более тысячи активных пользователей онлайн.

— Мне нужно поговорить со следователем, — медленно произнесла Анна, отодвигая телефон инженера. — С кем-то, кто видит эту картину изнутри правоохранительной системы.

— Удачи, — криво усмехнулся Пётр, забирая смартфон. — Они сейчас глухи и слепы, как бетонная стена.

— У меня есть надежный контакт в Дарницком районном управлении. Он вел сложное дело о краже оборудования из нашей редакции два года назад. Нормальный, адекватный мужик, не растерявший совесть.

Вечерний Киев безнадежно утопал в серой слякоти. Желтые, тусклые фонари выхватывали из темноты мокрые спины редких прохожих и блестящие от талого снега крыши припаркованных машин.

Автомобиль «Шкода» с наглухо тонированными задними стеклами стоял в глухом, неосвещенном переулке за кирпичным зданием районного управления милиции. Двигатель монотонно работал на холостых оборотах, старая печка гнала в тесный салон

сухой, обжигающий воздух, густо смешанный с едким запахом дешевых сигарет «Прилуки».

Следователь Кравченко сидел за рулем, нервно постукивая короткими пальцами по потертой оплетке руля. Ему было около сорока лет, но под глазами залегли такие глубокие, темные тени от хронического недосыпа, что он казался старше. Форменную куртку с погонами он небрежно бросил на заднее сиденье, оставшись в растянутом шерстяном свитере.

Анна сидела на пассажирском месте, плотно запахнув полы пальто и держа руки в карманах.

— Ты вообще понимаешь, что подставляешь меня одним своим присутствием в этой машине? — Кравченко глубоко затянулся сигаретой, приоткрыв боковое окно на пару сантиметров. Сизый, горький дым тут же вытянуло наружу ледяным сквозняком.

— Володя, мне нужна только неофициальная информация. Без имен, без диктофонов, без протоколов.

Он хмыкнул, стряхивая серый пепел в щель приоткрытого окна.

— Неофициальная. Ты журналист, Аня. В вашей профессии не бывает неофициальной информации. Всё, что сказано в темноте, рано или поздно всплывает на первых полосах в печати.

— Я не упомяну тебя. Даже отдаленным намеком. Источник останется анонимным.

Кравченко долго, не мигая, смотрел на темный фасад соседнего административного здания. В его собственном кабинете на третьем этаже сейчас ярко горел свет — он специально оставил настольную лампу включенной, чтобы дежурный по отделу думал, будто следователь с головой зарыт в изучение материалов очередного дела.

— Что у тебя? — наконец спросил он глухо, не поворачивая головы.

Анна достала из сумки сложенный лист с аналитической таблицей Петра и положила его на пластиковую приборную панель, прямо под тусклую лампочку подсветки.

— Массовые отравления животных. Десятки задокументированных случаев по всему городу. Абсолютно одинаковый почерк, одинаковые препараты.

Следователь даже не скосил глаза на бумагу.

— Я в курсе.

— Тогда почему до сих пор нет ни одного объединенного уголовного дела? Почему районные участковые, как под копирку, добиваются отказов в возбуждении дел по статье за жестокое обращение? Вы же прекрасно видите, что это не случайность и не разрозненные хулиганы.

Кравченко тяжело, со свистом вздохнул, с силой раздавил окурок в переполненной пепельнице и медленно повернулся к Анне.

— Потому что мы получили негласную установку сверху не раздувать эту историю.

В тесном салоне автомобиля повисла тяжелая, вязкая тишина, нарушаемая только мерным гудением вентилятора печки.

— Какую установку?

— Спустить всё это дело на тормозах.

Слова прозвучали пугающе обыденно, без всякого драматизма, и от этой канцелярской скуки стало еще страшнее.

— Когда именно?

— В середине декабря, — следователь устало потер переносицу двумя пальцами. — Как раз после тех крупных, резонансных инцидентов на Оболони. У нас тогда дежурная часть просто разрывалась от звонков. Люди в истерике несли трупы своих собак прямо в холл отделения. Начальник уголовного розыска собрал весь первичный материал, хотел передавать рапорт в городское управление, просить официального создания сводной следственно-оперативной группы.

— И что произошло потом?

— Был звонок. Кому конкретно звонили — я не знаю, такие вещи рядовым следакам не докладывают. Но на утренней планерке на следующий день начальник отдела выглядел так, будто проглотил битое стекло. Сказал, что у нас висяков по квартирным кражам и грабежам полно, не хватало еще собачьими трупами статистику раскрываемости портить. Все собранные материалы по отравлениям было приказано списывать в номенклатурное дело как не имеющие состава уголовного преступления.

Анна почувствовала, как горло перехватывает спазм. Одно дело — подозревать ленивое безразличие бюрократической системы, и совсем другое — слышать подтверждение о прямом, осознанном приказе саботировать расследование.

— Володя, кто обладает полномочиями отдать такой приказ? Городское управление МВД? Городская прокуратура?

Кравченко криво, безрадостно усмехнулся.

— Аня, ты рассуждаешь как студентка первого курса журфака. Чтобы заставить районного начальника закрыть глаза на массовые письменные заявления граждан, особенно когда пресса уже начинает задавать неудобные вопросы, звонок должен быть невероятно весомым. Это уровень профильного министерства. Или даже выше.

— Из-за бродячих собак? — искренне не поверила Анна. — На уровне целого министерства покрывают уличных живодеров? Какой в этом смысл? Зачем им это нужно?

Следователь достал из помятой пачки новую сигарету, но прикуривать не стал, просто нервно крутил ее в загрубевших пальцах.

— Я не знаю зачем, — очень тихо сказал он, глядя прямо перед собой. — Но я слишком давно работаю и знаю, как функционирует эта система. Если сверху настоятельно просят не поднимать шум вокруг какой-то организованной группы лиц, значит, эта группа выполняет для них какую-то грязную, но нужную работу. Какую именно — я знать не хочу. И тебе, ради твоего же блага, не советую лезть в это болото.

— У меня отравили пса прямо под окнами моей квартиры.

— Заведи нового, — жестко, почти жестоко отрезал Кравченко. — Я говорю абсолютно серьезно. Ты не понимаешь, с какими силами пытаешься бодаться. Эти ребята с закрытых форумов… они уже чувствуют свою полную безнаказанность. Когда человек с ядом в кармане понимает, что милиция не приедет по вызову, у него срывает внутренние тормоза. Сегодня они безнаказанно травят собак, а завтра, когда им дадут команду, начнут травить тех людей, которые им мешают.

Он резко потянулся к ключу зажигания.

— Всё, Аня. Наш лимит времени исчерпан. Разговор окончен. Бумажку свою с таблицами забери.

Анна молча свернула распечатку и сунула ее глубоко в карман пальто.

— Спасибо за правду, Володя.

— Не за что благодарить. И забудь мой номер телефона.

Выйдя из прокуренной машины в ледяную, чавкающую слякоть, журналистка натянула капюшон. «Шкода» следователя мягко тронулась с места, мигнула красными габаритами на повороте и бесследно растворилась в густой пелене мокрого снега.

Узкая улица была совершенно пуста. Свет тусклого муниципального фонаря дробился в черных, маслянистых лужах. Анна достала из кармана мобильный телефон, чтобы вызвать такси. Экран слабо засветился, показывая одно непрочитанное сообщение, пришедшее с неизвестного номера.

Она провела замерзшим, негнущимся пальцем по стеклу. Текст состоял всего из нескольких слов.

«Любопытство убивает, писательница. Оглядывайся».

Резкий порыв ветра швырнул в лицо горсть колючих, ледяных снежинок. Разрозненных совпадений больше не существовало. Была огромная, отлаженная система, защищенная невидимым административным щитом, и была запертая виртуальная дверь форума с готическим шрифтом, за которой скрывались настоящие ответы. Дверь, которую теперь предстояло взломать любой ценой, пока яд не перестал быть метафорой для людей.

Глава 3. Форум «Вреди»

Вентилятор системного блока натужно завывал, пытаясь прогнать раскаленный воздух сквозь плотные слои пыли на решетке. За окном царил промозглый киевский март 2012 года. Грязный снег неохотно таял под моросящим дождем, превращая дворы в непроходимое месиво, но здесь, на девятом этаже, время измерялось не сменой сезонов, а мерцанием зеленых строк кода на черном фоне терминала.

Максим Люта с силой потер покрасневшие от недосыпа глаза под стеклами очков в тяжелой роговой оправе. Худой, сутулый программист с вечно всклокоченными волосами казался неотъемлемой частью своего рабочего места — конгломерата из трех мониторов, переплетенных проводов и пустых банок из-под энергетиков.

— Аня, ты просишь невозможного, — голос Максима звучал глухо, с хрипотцой человека, который не разговаривал вслух больше суток. — Это не соседский Wi-Fi сломать. Я ковыряю их защиту уже пятый час.

Журналистка сидела на продавленном диване за его спиной, сжимая в руках остывшую кружку. С момента их разговора со следователем Кравченко прошло больше двух месяцев, но ощущение невидимой стены, о которую разбивались любые попытки добиться справедливости, только усилилось. Милиция глухо молчала. Материалы проверок по фактам отравлений один за другим заканчивались постановлениями об отказе в возбуждении уголовного дела — «за отсутствием состава преступления».

— Должен быть какой-то обходной путь, — упрямо произнесла она, ставя кружку на шаткий журнальный столик. — Пётр говорил, что у них тысячи зарегистрированных пользователей. Такая толпа не может не оставлять цифровых следов. Кто-то обязательно ошибается.

Пальцы программиста снова застучали по механической клавиатуре. Звук напоминал пулеметную очередь.

— Пётр твой — теоретик, — огрызнулся Максим, не отрывая взгляда от центрального экрана. — А эти ребята выстроили параноидальную архитектуру. Форум «Вреди» не индексируется поисковиками. Регистрация только по инвайтам. Прямого доступа к базе данных нет, порты закрыты, фаерволы настроены так, будто там хранятся коды запуска ядерных ракет.

Стул жалобно скрипнул, когда хозяин квартиры резко откинулся на спинку.

— Но ты права в одном. Человеческий фактор — самая слабая уязвимость любой системы. Если нельзя пробить парадную дверь, нужно искать того, кто потерял ключи от черного хода.

На правом мониторе открылось окно почтового клиента. Максим запустил скрипт, который начал стремительно перебирать массивы данных.

— Три дня назад на одном хакерском даркнет-ресурсе выложили дамп взломанных почтовых ящиков с крупного российского почтовика. Я написал простенький парсер, чтобы поискать там совпадения по домену этого их живодерского форума. И, кажется, мы поймали крупную рыбу.

На экране высветилась одинокая строка. Адрес электронной почты, состоящий из бессмысленного набора цифр и букв.

— Один из модераторов форума имел неосторожность привязать свой рабочий аккаунт к этому ящику для получения системных уведомлений. И его пароль оказался в слитой базе.

Максим быстро ввел скопированные данные в форму авторизации через анонимный прокси-сервер. Система на секунду задумалась, проверяя подлинность токена, а затем интерфейс сменился. Вместо привычной страницы входа перед ними развернулась внутренняя панель управления.

Дыхание Анны перехватило. Она подошла вплотную к креслу Максима, вглядываясь в монитор.

— Мы внутри?

— Мы в прихожей, — поправил программист, быстро кликая по вкладкам. — Это резервная копия базы данных за прошлую неделю. Модератор пересылал ее себе на почту. Идиотизм чистой воды, но нам на руку. Сейчас я разверну этот SQL-дамп на локальном сервере, и мы сможем читать его без подключения к их сети. Так безопаснее.

Пока ползла полоса загрузки, Максим открыл соседнюю вкладку с технической документацией хостинга. Его брови удивленно поползли вверх.

— Интересно. Очень интересно.

— Что там?

— Я смотрю метаданные писем с квитанциями об оплате серверов. Форум зарегистрирован на анонимный хостинг, физически расположенный где-то в офшорной зоне. Но главное — способ оплаты. Они ежемесячно переводят деньги через криптовалюту. Биткоины.

В 2012 году слово «биткоин» звучало исключительно в узких кругах криптоанархистов и теневых дельцов. Для обывателя это была непостижимая абстракция.

— Это дорого? — спросила Анна, пытаясь оценить масштаб финансирования.

— Дело не в цене, а в технологии, — Максим повернулся к ней, и в его глазах читалось профессиональное уважение, смешанное с тревогой. — Это обеспечивает абсолютную финансовую анонимность. Никаких банковских карт, никаких имен, никаких счетов, которые могла бы запросить прокуратура. Обычные хулиганы, которым нечем заняться вечером, не заморачиваются с криптокошельками и офшорными серверами. Это требует специфических знаний и системного подхода.

Полоса загрузки на экране достигла ста процентов. База данных развернулась.

Структура форума предстала перед ними как на ладони. Десятки разделов, тысячи тем, сотни тысяч сообщений. Архитектура ресурса поражала своей продуманностью. Здесь не было хаоса. Всё подчинялось строгой, почти военной иерархии.

Максим запустил поиск по IP-адресам администраторского состава. На экране появился список цифровых идентификаторов. Программист прогнал их через сервис геолокации.

— Смотри сюда, — он ткнул пальцем в монитор. — Часть модераторов, которые управляют украинским сегментом форума, физически базируется вообще не в Украине. Вот этот пул адресов… это московский диапазон. Провайдер предоставляет услуги связи в центральном округе Москвы. Они координируют действия киевских групп из другой страны.

География преступления внезапно расширилась, стирая государственные границы. Местные догхантеры, травившие собак на Борщаговке и Оболони, оказались лишь исполнителями низового звена в огромной транснациональной сети.

— Открой списки пользователей, — попросила Анна, чувствуя, как по спине пробегает неприятный холодок.

Таблица юзеров содержала странные колонки. Помимо стандартных никнеймов и дат регистрации, там присутствовала графа «Уровень допуска».

— У них тут своя ролевая игра, — прокомментировал Максим, открывая внутренний регламент форума. — Внутренний рейтинг участников.

Текст правил гласил, что каждый новоприбывший получает статус «Щенячий». На этом этапе пользователь не имеет доступа к закрытым обсуждениям. Чтобы повысить статус, он должен доказать свою лояльность.

Анна вчитывалась в строки, и ее охватывал ужас. Для перехода на следующий уровень требовалось выполнить задание: сфотографировать процесс агонии животного и выложить отчет с привязкой к местности. Следующая ступень — «Псовый» — давала доступ к юридической поддержке и инструкциям по конспирации. Высший ранг, «Волчий», присваивался только тем, кто доказал готовность к прямым физическим конфронтациям с владельцами животных и зоозащитниками.

— Это поведенческая репетиция, — тихо произнесла журналистка, вспоминая статьи по криминальной психологии, которые читала во время подготовки материала. — Они не просто убивают. Они отбирают людей. Заставляют их совершать преступления, чтобы повязать круговой порукой. Это классический механизм формирования криминальной группы.

— Подожди, тут есть кое-что еще хуже, — Максим открыл раздел файлового архива.

В прикрепленных документах раз за разом мелькал файл в формате PDF. В переписках пользователи благоговейно называли его «книжка от профессора». Официальное название файла гласило: «Санитария общества».

— Можешь скачать его?

— Дамп содержит только текстовые логи, сами файлы лежат на внешнем сервере, к которому у нас сейчас нет ключа, — покачал головой программист. — Но мы можем почитать, что они обсуждают в личных сообщениях. У меня есть доступ к таблице приватных чатов.

Он ввел SQL-запрос, отфильтровывая личную переписку администрации форума. На экране появились диалоги двух пользователей с наивысшими правами доступа. Их никнеймы были «Капибара» и «Пахан».

Сообщения загружались блоками. Даты охватывали период с осени 2011 года по февраль 2012-го.

«Капибара (14.11.2011 23:45): Очередной призыв в киевской ветке оказался слабым. Много сочувствующих, мало исполнителей. Новички задают слишком много вопросов о морали. Нужно ужесточить фильтр на входе».

«Пахан (15.11.2011 01:12): Фильтр остается прежним. Нам нужен массовый охват, чтобы выявить перспективных. Давай им базовые задания по алгоритму. Если клиент мнется — отсекай».

Анна попросила прокрутить ниже. Тон переписки поражал своей холодностью. Это не был сленг уличных маргиналов. Тексты «Капибары» отличались безупречной орфографией и канцелярской сухостью, словно писал опытный юрист. Сообщения «Пахана» звучали властно, стратегически выверено.

Взгляд журналистки зацепился за длинное сообщение от «Капибары», датированное концом декабря.

«Капибара: Методика работает без сбоев. Новички проходят инициацию. Инструкция проста: сначала собака, потом кошка соседа, который жалуется — так проверяется, кто сломается, а кто пойдёт дальше. Те, кто не выдерживает давления, сливаются сами. Оставшиеся получают иммунитет к чужому страданию. Они перестают видеть в объекте живое существо, для них это просто мишень, биомусор».

В комнате повисла тяжелая, густая тишина. Вентилятор системного блока продолжал гудеть, но Анна слышала лишь стук собственного пульса в висках.

Это была технология. Целенаправленное психологическое кодирование. Создание безопасного пространства для девиантов, где их патологические наклонности не просто поощрялись, а систематизировались под прикрытием идеи «очистки города». Ими манипулировали, превращая в послушные инструменты.

Максим молча выделил мышкой еще один фрагмент переписки. Это было сообщение от «Пахана», отправленное в октябре 2011 года, когда по Киеву и Одессе прокатилась первая, самая мощная волна отравлений, совпавшая с уличными протестами.

«Пахан: Вы забываете конечную цель проекта. Хватит возиться с теми, кто просто любит убивать шавок ради забавы. Это расходный материал. Нам нужны не живодёры, нам нужны те, кто потом не дрогнет и с человеком. Готовьте костяк. Тренируйте их на агрессивных зоошизах. Статус журналиста или борца за чистоту

улиц даст им легитимность. Когда поступит команда, они должны быть готовы применить силу к любому объекту, который будет указан».

Слова на мониторе расплывались. «Потом не дрогнет и с человеком».

Вся картина, которую Анна пыталась собрать по крупицам последние месяцы, внезапно обрела пугающую, монолитную четкость. Убийства животных на улицах украинских городов были лишь ширмой. Полигоном. Огромной, разветвленной лабораторией по дегуманизации.

Они искали людей со сломанной психикой, с латентными садистскими наклонностями, и давали им идеологию, организацию и защиту. Они учили их преодолевать инстинкт самосохранения и базовые моральные барьеры. Шаг за шагом. От дворняги у мусорного бака — к соседской кошке. От кошки — к открытому конфликту с хозяином. От конфликта — к готовности применить оружие против человека.

Спящая армия убийц, рассредоточенная по спальным районам, уверенная в собственной безнаказанности и обеспеченная административным щитом на самом высоком уровне.

— Аня, — голос Максима внезапно потерял всю свою ироничную хрипотцу и стал резким, напряженным.

Программист быстро переключился на соседний монитор, где в фоновом режиме работал терминал мониторинга сетевой активности. По черному экрану стремительно бежали красные строки системных логов.

— Что происходит? — она шагнула ближе, чувствуя, как напряглись плечи Максима.

Его пальцы замелькали над клавиатурой, вводя длинные команды в консоль.

— Я же говорил, что развернул базу на локальном сервере, отключенном от их сети, — быстро заговорил он, не отрываясь от экрана. — Но я оставил скрипт-парсер висеть на том взломанном почтовом ящике модератора, чтобы качать обновления, если они появятся.

Красные строки в терминале начали множиться, сливаясь в сплошной кровавый поток.

— И что?

— Кто-то заметил несанкционированную активность. У них стоят триггеры на доступ к резервным копиям.

Максим ударил по клавише Enter с такой силой, что пластик жалобно хрустнул.

— Они не просто закрыли дыру. Кто-то прямо сейчас активно сканирует порты, пытаясь установить, кто заходил на сервер форума под учетными данными модератора последние два дня. Они пустили обратный след.

— Ты же говорил, что мы сидим через анонимный прокси? — голос Анны дрогнул. Угроза из виртуального пространства внезапно стала физически осязаемой, вторгшись в тесную квартиру на Борщаговке.

— Прокси задержит их автоматические системы, — Максим лихорадочно выдергивал кабели из маршрутизатора, лежащего на краю стола. Светодиоды на пластиковой коробочке тревожно мигнули и погасли. Сеть оборвалась. — Но по ту сторону экрана сидит не автоматика. Там сидит живой человек. И судя по скорости, с которой он обходит узлы маршрутизации, это специалист экстра-класса.

Внезапно наступившая в комнате тишина казалась оглушительной. Вентилятор системного блока продолжал работать, но теперь его гудение воспринималось как звук обратного отсчета.

Максим медленно повернулся в кресле. Его лицо в бледном свете мониторов казалось серой маской.

— Я обрубил физическое соединение. Мы отрезаны. Но я не могу дать гарантию, что в последние секунды перед разрывом они не успели захватить мой реальный мак-адрес.

Анна посмотрела на потухший экран, где еще минуту назад светились слова «Пахана» о готовности убивать людей. Иллюзия того, что она ведет журналистское расследование, наблюдая за объектами через безопасное стекло, рассыпалась в прах. Стекла больше не было. Они заглянули в бездну, и бездна, обладающая московскими IP-адресами, неограниченным криптофинансированием и сотнями тренированных исполнителей на улицах ее города, в этот самый момент внимательно посмотрела на них в ответ.

Дождь за окном усилился, с силой бросая ледяные капли в стекло. Где-то внизу, во дворе, надрывно завыла автомобильная сигнализация, и этот звук заставил их обоих вздрогнуть. Механизм был запущен, шестеренки пришли в движение, и теперь оставалось лишь ждать, когда они доберутся до тех, кто посмел засунуть руку в этот смертоносный конвейер.

Глава 4. Методичка из Охотного ряда

Толстая картонная папка с глухим стуком опустилась на столешницу полированного дерева. Правозащитник Олег Земцов тяжело опустился в кресло напротив, ослабив узел темно-синего галстука. За окнами его киевского офиса на Подоле шумел по-весеннему теплый, суетливый апрель 2012 года.

— Мой источник в одной из московских некоммерческих организаций рисковал свободой, пересылая это через защищенные каналы, — Земцов пододвинул папку ближе к Анне. — Распечатки сканов. Оригинал существует только в бумажном виде, с грифом «для внутреннего пользования». Никаких электронных следов в открытых базах.

Журналистка откинула плотную обложку. Верхним лежал лист формата А4, испещренный серыми полосами от некачественного сканера. Крупный, рубленый шрифт заголовка гласил: «Санитария общества. Методические рекомендации по нейтрализации деструктивных элементов». Ниже мелким кеглем шли выходные данные, а к самому краю страницы была приколота скрепкой небольшая сопроводительная записка, написанная от руки.

Анна вчиталась в неровный почерк на клочке бумаги. Текст гласил: *«Передаю, как договаривались. Это базовая калька. Обрати внимание на сноски — прямая ссылка на рекомендации экспертного совета. Они пускают это в работу по регионам»*.

— Какого экспертного совета? — она подняла взгляд на юриста.

— Того самого, при Министерстве юстиции Российской Федерации, — Земцов устало потер переносицу. — Совет по государственной религиоведческой экспертизе. С апреля 2009 года его возглавляет некий Александр Дворкин. Человек без профильного

светского образования, не имеющий отношения к государственной службе, но обладающий колоссальным влиянием.

Пальцы Анны медленно перевернули первую страницу методички. Текст был написан сухим языком, но за бюрократическими формулировками скрывалась пугающая суть. Документ подробно описывал алгоритмы маргинализации неугодных групп: от создания информационного вакуума до провокаций с участием агрессивно настроенных граждан.

— Здесь ни слова о собаках, — заметила она, просматривая оглавление. — Терминология совершенно другая. «Профилактика деструктивных сообществ», «изоляция лидеров мнений», «дискредитация через обвинения в экстремизме».

— Потому что догхантеры — это только инструмент, Аня. Полигон, — правозащитник подался вперед. — Ты нашла исполнителей на улицах Киева. Максим вытащил их переписку и доказал, что координация идет из Москвы. Но чтобы понять, кто и зачем оплачивает этот банкет через биткоины, нужно смотреть на вершину пирамиды. Эта методичка — доказательство того, что уличный террор имеет государственную архитектуру.

Земцов достал из внутреннего кармана пиджака визитную карточку без имени, только с номером телефона, и положил ее поверх методички.

— В середине мая в Москве пройдет крупная международная конференция по цифровой журналистике. Твоя редакция может оформить тебе аккредитацию. Под этим прикрытием ты поедешь туда. Человек, чей номер здесь указан, — бывший референт профильного комитета Государственной Думы. Его зовут Игорь Пасюк. Он ушел из аппарата год назад, когда понял, к чему все идет. Он знает, как финансируются эти «рекомендации».

Спустя три недели Москва встретила Анну давящей монументальностью сталинского ампира и бесконечными пробками. Конференция по журналистике проходила в помпезном отеле недалеко от центра. Отработав обязательную программу — посетив два утренних семинара по фактчекингу и отметившись у организаторов, — она незаметно покинула душный зал, полный скучающих репортеров.

Майский воздух на Тверской улице казался тяжелым от выхлопных газов. Шумный, непрерывный поток машин создавал постоянный гул, в котором тонули голоса

прохожих. Кафе, назначенное местом встречи, располагалось в полуподвальном помещении. Внутри царил полумрак, а из скрытых динамиков ненавязчиво играл джаз.

Игорь Пасюк уже сидел за угловым столиком, спиной к стене, откуда просматривался весь зал и входная дверь. Это был мужчина лет пятидесяти, в неприметном сером костюме, с бледным лицом.

Едва Анна опустилась на стул напротив, бывший думский референт сделал резкий жест рукой.

— Телефон.

— Что? — не поняла она.

— Уберите телефон со стола, — голос Пасюка был тихим, но напряженным до предела. Его глаза непрерывно сканировали соседние столики, за которыми беззаботно смеялись студенты. — В сумку. Сумку застегните и поставьте на пол, между ног.

Журналистка молча повиновалась. Уровень паранойи этого человека, еще недавно работавшего в высших эшелонах российской власти, казался чрезмерным, но в его поведении не было наигранности. Только холодный, въевшийся под кожу страх.

Официант принес два эспрессо и быстро ретировался. Пасюк не притронулся к чашке.

— Земцов сказал, у вас есть скан «Санитарии», — начал он без предисловий, наклонившись над самым столом.

— Есть, — Анна тоже понизила голос. — И там есть ссылка на рекомендации экспертного совета. Мне нужно знать, как это связано с думским комитетом и кто оплачивает создание сети боевиков под видом борцов за чистоту улиц.

Бывший референт нервно поправил манжету рубашки.

— Бюджетная строка на «профилактику деструктивных сообществ» никогда не проходит напрямую. Это слишком топорно. Деньги идут через систему грантов и аффилированных некоммерческих организаций. В данном случае финансирование методических материалов, включая ту самую методичку, проводилось через фонд, тесно связанный с Центром религиоведческих исследований имени Иринея Лионского.

Название прозвучало монументально и странно в контексте разговора об уличных живодерах.

— При чем здесь религиоведение? — Анна нахмурилась, пытаясь связать концы с концами. — Мы говорим о закрытых форумах, где людей учат травить собак и готовиться к нападениям на оппонентов.

— При том, что куратором этого фонда и главным идеологом всей системы является Александр Дворкин, — Пасюк произнес это имя так, словно оно могло обжечь язык. — Вы вообще понимаете, кто это такой?

— Глава экспертного совета при Минюсте. Земцов упоминал его.

— Это лишь его официальная должность с две тысячи девятого года. Верхушка айсберга, — референт криво, безрадостно усмехнулся. — Этот человек вернулся в Россию из США в девяносто первом году. К середине девяностых он уже занял ключевые позиции в структурах Московской патриархии, став ведущим специалистом Отдела катехизации. Он привез с собой западную антикультовую методологию, разработанную радикалами вроде Йоханнеса Огорда. Но Дворкин пошел дальше. Он адаптировал ее под реалии постсоветского пространства.

Шум эспрессо-машины за барной стойкой на мгновение заглушил его слова. Пасюк дождался, пока шипение пара прекратится, и продолжил:

— Именно он внедрил в российский общественный оборот термин «тоталитарная секта». Изначально этот ярлык использовался для уничтожения религиозных меньшинств. Свидетели Иеговы, пятидесятники, кришнаиты — кто угодно, чьи взгляды не совпадали с генеральной линией. Схема была гениальной в своей простоте: объявить группу «сектой», лишить ее членов человеческого достоинства в глазах общества, а затем натравить на них правоохранительные органы под предлогом защиты граждан.

Анна вспомнила переписку модераторов форума «Вреди», которую они с Максимом читали в киевской квартире. *«Они перестают видеть в объекте живое существо, для них это просто мишень, биомусор».*

— Дегуманизация, — тихо произнесла она.

— Именно, — кивнул Пасюк, и в его глазах мелькнуло мрачное одобрение. — Но религиозные группы были только началом. Обкаткой технологии. Когда система поняла, насколько эффективно работает этот механизм, они решили расширить его применение. Зачем ограничиваться только верующими? Логика «Санитарии общества» адаптировала ту же самую методику под любые протестные сообщества.

Он взял бумажную салфетку и начал нервно, методично рвать ее на мелкие клочки.

— Любая группа людей, объединенная общими идеями и не контролируемая государством, теперь может быть маркирована как «деструктивная». Экологи, правозащитники, независимые профсоюзы. А догхантерские сети… это их идеальный испытательный полигон.

— Полигон для чего?

— Для создания управляемого террора, — Пасюк вскинул на нее воспаленный взгляд. — Вы думаете, им есть дело до бездомных собак? Собаки — это тренажер. Они берут людей с латентными садистскими наклонностями, дают им идеологическое оправдание — ту самую «санитарию общества» — и юридическую крышу. Они учат их действовать в составе организованной группы, соблюдать конспирацию, использовать яды. А главное — они приучают их к безнаказанности. Когда поступит команда, эти натренированные стаи переключатся с животных на тех, на кого укажет куратор. На оппозиционных политиков, на неудобных журналистов, на уличных активистов. И всё это будет подано под соусом борьбы с «сектантами» или «экстремистами».

Картина, которую рисовал бывший чиновник, поражала своим цинизмом и масштабом. Разрозненные факты — отравленный ротвейлер на Подоле, бездействие киевской полиции, московские IP-адреса администраторов живодерского форума — всё это складывалось в единую, монолитную конструкцию. Конструкцию гибридного оружия, замаскированного под общественные инициативы.

— Вы сказали, что финансирование шло через президентский грант, — Анна подалась вперед, чувствуя, как колотится сердце. — У вас есть документальное подтверждение? Номера счетов, суммы?

Пасюк замер. Его взгляд снова заметался по залу, задержавшись на мужчине в кожаной куртке, который только что вошел в кафе и направился к барной стойке. Референт побледнел еще сильнее.

— Я принес копию титульного листа финансового отчета, — едва слышно прошептал он, не сводя глаз с вошедшего. — Там указан номер гранта президентской программы. Суммы в этом документе нет, она проходит по закрытым приложениям, к которым у меня уже нет доступа.

Он дрожащими пальцами достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист бумаги и положил его на стол, прикрыв ладонью.

— Только быстро.

Анна мгновенно расстегнула сумку и достала телефон. В ту же секунду Пасюк дернулся, словно от удара током.

— Я же просил убрать! — прошипел он, вжимаясь в спинку дивана. — Вы с ума сошли?

— Мне нужно зафиксировать номер гранта, — она быстро развернула лист из-под его руки, навела камеру и нажала на спуск. Экран смартфона мигнул, сохраняя изображение документа с гербовой печатью и длинным рядом цифр в верхнем углу.

— Всё, хватит! — бывший референт выхватил бумагу из ее рук, скомкал и сунул обратно в карман. Его дыхание стало прерывистым, на лбу выступила испарина. — Вы не понимаете. Вы живете в своем Киеве и думаете, что это просто журналистское расследование. Что вы напишете статью, и злодеев накажут.

Он резко поднялся, бросив на стол смятую пятисотрублевую купюру.

— За этим человеком стоят структуры, которые ломают судьбы росчерком пера. Экспертный совет Дворкина — это современная инквизиция. Одно их заключение, одна бумажка с печатью Минюста — и вы лишаетесь бизнеса, свободы, детей. Они фабрикуют экспертизы, по которым людей отправляют в колонии на десятилетия. И если они узнают, что вы копаете под их боевое крыло…

Пасюк не договорил. Он бросил последний, затравленный взгляд на мужчину у барной стойки, который просто пил свой кофе, не обращая на них никакого внимания, и быстро зашагал к выходу. Дверь кафе звякнула колокольчиком, впуская шум Тверской, и захлопнулась, отрезав его фигуру от полумрака зала.

Анна осталась сидеть за столиком в полном одиночестве. Остывший эспрессо в чашке покрылся тонкой, темной пленкой. Джаз из динамиков продолжал играть свою легкую, синкопированную мелодию, а за соседним столом студенты громко обсуждали предстоящую сессию.

Она открыла галерею в телефоне и приблизила сделанную фотографию. Цифры номера президентского гранта читались абсолютно четко. Это была зацепка, ниточка,

потянув за которую, можно было попытаться раскрутить весь финансовый клубок. Но радости от добытой улики не было.

Впервые за всё время расследования Анна почувствовала холодное, липкое прикосновение настоящей опасности. До этого момента имя профессора-сектоведа звучало в разговорах с Максимом и Земцовым скорее с иронией — как некая абсурдная аномалия, бюрократический казус. Сумасшедший фанатик, дорвавшийся до власти. Но реакция Игоря Пасюка, его дрожащие руки и затравленный взгляд изменили всё.

Бывший высокопоставленный сотрудник аппарата Государственной Думы, человек, знающий изнанку системы, до смерти боялся того, кто официально числился всего лишь председателем консультативного совета. Он боялся не абстрактных бандитов или спецслужб, он боялся конкретной фамилии. Имени, которое стало синонимом институционального террора, способного превратить любого гражданина в мишень для натренированной стаи.

Журналистка убрала телефон обратно в сумку, застегнула молнию и медленно поднялась из-за стола. Ей предстояло вернуться на конференцию, отсидеть еще несколько часов среди улыбающихся коллег, обсуждающих свободу слова в интернете, а затем сесть в поезд на Киев. Но теперь она везла с собой не просто догадки. Она везла документальное подтверждение того, что война уже началась, просто линия фронта пока проходила по городским дворам и мусорным бакам, где в конвульсиях умирали те, на ком система отрабатывала свои навыки перед тем, как взяться за людей.

Глава 5. Смена вывески

Микрофон на трибуне издал короткий, режущий слух писк, заставив операторов в заднем ряду поморщиться и поспешно убавить чувствительность на пультах. Яркий свет проектора выхватывал из полумрака конференц-зала гостиницы «Крещатик» фигуру женщины в строгом темно-синем костюме. Ее волосы были безупречно уложены, голос звучал ровно, с профессионально выверенными паузами.

Шел апрель 2015 года. На востоке страны шли тяжелые бои, столица была переполнена беженцами, а в воздухе висело постоянное, изматывающее напряжение.

— Мы представляем вашему вниманию результаты независимого экспертного расследования, — произнесла женщина, поднимая над трибуной увесистую брошюру с глянцевой обложкой. — Сорокастраничное заключение нашего Центра неопровержимо доказывает: то, что скрывается за фасадом благотворительности, на самом деле является классической сектантской структурой, использующей уязвимое положение переселенцев для установления психологического контроля.

Анна сидела в третьем ряду, быстро делая пометки в блокноте. Лицо выступающей было ей знакомо, хотя вживую они никогда раньше не встречались. Ирина Креминовская. Юрист, учредитель зарегистрированного всего месяц назад «Центра исследований новых религиозных движений». И по совместительству — человек, который еще недавно скрывался на закрытом живодерском форуме под ником «Капибара», хладнокровно обсуждая методы отсева новичков через убийства уличных собак.

Форум «Вреди» прекратил свое существование в декабре прошлого года. После того как материалы об их деятельности начали просачиваться в сеть, украинские провайдеры заблокировали ресурс по массовым жалобам пользователей. Казалось бы, сеть распалась. Но архитекторы системы просто сменили вывеску. Спустя ровно три месяца, в марте 2015-го, в государственном реестре появилось новое юридическое лицо. Те же люди, та же ледяная методичность, но теперь вместо дворняг мишенями стали люди, удерживающие на своих плечах тыловое обеспечение страны.

На экране за спиной Креминовской сменился слайд. Крупным шрифтом было выведено название волонтерской организации «Вільна дія», а ниже — фотография ее координатора, Дмитрия Сороки.

— Под видом раздачи гуманитарной помощи и психологической поддержки беженцам из зоны боевых действий, данная организация применяет техники деструктивного культа, — продолжала вещать Креминовская, чеканя каждое слово. — В основу нашего заключения легли показания двух бывших участников структуры. Они подробно описали методы нейролингвистического программирования, изоляцию от родственников и принуждение к бесплатному труду.

Один из журналистов в первом ряду поднял руку.

— Вы можете назвать имена этих свидетелей? Или предоставить возможность пообщаться с ними?

— В целях их безопасности личности скрыты, — не моргнув глазом, парировала глава Центра. — Люди запуганы. Они боятся мести со стороны руководства секты. Наша задача — защитить их и предупредить общество об угрозе. Копии заключения уже направлены в правоохранительные органы и ключевым международным донорам.

Пресс-конференция продлилась еще полчаса. Выверенный спектакль, где каждое обвинение подкреплялось псевдонаучной терминологией, заимствованной из старых методичек. Когда свет в зале включился, Анна убрала блокнот в сумку и направилась к выходу.

В просторном холле, пропахшем дешевым растворимым кофе с кейтерингового стола, у панорамного окна стоял мужчина в потертой флисовой куртке цвета хаки. Дмитрий Сорока выглядел так, словно не спал несколько недель. Глубокие тени залегли под глазами, плечи осунулись. В руках он нервно сминал бумажный стаканчик.

— Ты видела этот бред? — спросил он вместо приветствия, когда журналистка подошла ближе.

— Видела, Дима. И слышала.

Волонтер с силой швырнул смятый стаканчик в урну.

— Они обвиняют нас в «разрыве социальных связей». Знаешь, как это выглядит на практике? Мы вывозим семьи из-под обстрелов в Дебальцево. Люди приезжают сюда в одних тапочках, без документов, в состоянии глубочайшего шока. Мы селим их в шелтеры, кормим, находим работу. Да, они проводят много времени вместе, потому что им больше некуда идти. А эта дамочка в дорогом костюме называет это «изоляцией в деструктивном культе».

Дмитрий достал из кармана телефон и открыл почтовый клиент. Его пальцы заметно дрожали.

— Но самое страшное не это. Самое страшное — как быстро работает их яд. Три часа назад, еще до начала этой пресс-конференции, мне пришли официальные письма от трех наших ключевых международных партнеров. Европейские фонды, которые оплачивали аренду шелтеров и закупку медикаментов.

— Что пишут? — Анна подалась вперед, вглядываясь в экран смартфона.

— Приостановка финансирования до выяснения обстоятельств. Без объяснения причин, просто сухая канцелярская формулировка. У них строгий комплаенс. Как только в публичном поле появляется зарегистрированное экспертное заключение со словами «секта» или «психологическое насилие», банковские алгоритмы автоматически морозят счета. Им не нужны доказательства, им достаточно ярлыка.

Ситуация складывалась катастрофическая. Чтобы разрушить репутацию, выстроенную годами тяжелейшего труда, не потребовалось ни реальных уголовных дел, ни судебных приговоров. Хватило сорока страниц текста, скрепленных печатью новоиспеченного Центра, и двух анонимных жалоб.

— Сколько у вас времени, пока шелтеры не начнут выселять за неуплату? — тихо спросила журналистка.

— Неделя. Максимум десять дней. Если счета не разблокируют, триста человек окажутся на улице.

Оставив подавленного волонтера в холле, Анна решительным шагом направилась к лифтам. Ей нужно было перехватить Креминовскую до того, как та покинет здание.

Двери служебного лифта уже начали закрываться, когда журналистка протиснулась внутрь. Ирина стояла в углу, невозмутимо просматривая что-то на экране планшета. Рядом возвышался молчаливый охранник в строгом костюме.

— Блестящее выступление, Ирина, — произнесла Анна, глядя прямо в холодные, серые глаза главы Центра. — Или мне называть вас Капибарой?

Палец женщины замер над экраном планшета. Всего на долю секунды, но этого было достаточно. Затем она медленно подняла взгляд. Ни тени удивления, ни капли страха. Только оценивающий, сканирующий взгляд юриста.

— Вы обознались. Мое имя Ирина Креминовская. А вы, если не ошибаюсь, та самая скандальная блогерша, которая любит искать заговоры там, где их нет.

— Заговор — это когда люди прячутся. А вы действуете совершенно открыто, — Анна сделала шаг вперед, игнорируя напрягшегося охранника. — Сначала вы тренируете социопатов на собаках, создавая закрытые группы с многоуровневой системой допуска. А когда площадку прикрывают, вы надеваете пиджак, регистрируете Центр и начинаете штамповать экспертизы против волонтеров, которые держат фронт. Идеальная эволюция.

Лифт плавно скользил вниз. Цифры этажей на табло сменялись с тихим писком.

— Я не понимаю, о каких собаках вы говорите, — ровным тоном ответила Ирина, убирая планшет в кожаную папку. — Мой Центр занимается исключительно защитой граждан от психологического насилия. Мы опираемся на научную методологию и международный опыт.

— Чей опыт? Александра Дворкина? — бросила Анна, проверяя реакцию. — Ваше сорокастраничное заключение против Сороки — это же чистая калька. Анонимные свидетели, которых никто никогда не увидит. Обвинения в нейролингвистическом программировании. И мгновенная рассылка по западным фондам, чтобы перекрыть кислород. Как вы выбираете жертв для своих экспертиз? Кто дает команду «фас»?

Двери лифта бесшумно разъехались, открывая вид на подземный паркинг. Охранник шагнул первым, придерживая створку. Ирина остановилась на пороге, повернувшись к журналистке. Ее лицо напоминало безупречную, непроницаемую маску.

— Запомните одну простую вещь, Анна, — голос Креминовской упал до тихого, почти интимного шепота, от которого по спине пробежал неприятный холодок. — Мы не выбираем жертв. Мы выявляем угрозы. Любая структура, которая способна мобилизовать людей в обход государства, любая группа, объединенная сильной идеей — это деструктивный элемент. И мы будем применять все законные методы для их нейтрализации.

— Кто оплачивает эту «нейтрализацию»? — крикнула ей вслед журналистка. — Кто финансирует ваш Центр?

Ответа не последовало. Цоканье каблуков эхом разнеслось по бетонному своду паркинга. Ирина села на заднее сиденье черного седана с тонированными стеклами, и машина плавно выехала к пандусу, оставив Анну в одиночестве среди запаха выхлопных газов.

Поздно вечером, сидя за рабочим столом в своей квартире, Анна развернула на мониторе скачанную с сайта Центра копию экспертизы. Сорок страниц текста. Графики, таблицы, цитаты из работ западных психологов, вырванные из контекста. На первый взгляд документ выглядел солидно, почти академично.

Но чем глубже она вчитывалась, тем яснее видела знакомый почерк. Это была не наука. Это была технология уничтожения, доведенная до совершенства.

На соседнем мониторе были открыты вкладки с материалами российских судов, которые ей удалось собрать за последние месяцы. Особое внимание привлекало дело Елены Брессем из Перми. История, развернувшаяся несколько лет назад, поражала своим абсурдом и жестокостью. Успешная предпринимательница, мать, чья жизнь была разрушена до основания только потому, что бывшему мужу понадобилось отобрать у нее ребенка.

Анна перечитывала интервью самой Елены, зафиксированное в правозащитных отчетах. Женщина увлеклась работой в коммерческой сетевой компании. Муж обратился в местный филиал РАЦИРС — Российской ассоциации центров изучения религий и сект, руководимой Александром Дворкиным.

Механизм сработал как часы. Запрос от недовольного родственника. Мгновенно состряпанная справка от «экспертов» о том, что женщина состоит в «тоталитарной коммерческой секте». В качестве доказательств — материалы неких профильных конференций и книги самого Дворкина. В итоге на стол судье легли два тома дела, полностью сфабрикованного на основе псевдонаучных ярлыков. Дворкин лично приехал из Москвы в Пермь, чтобы выступить свидетелем обвинения против человека, которого видел впервые в жизни.

Журналистка открыла еще один файл — историю Жанны Цареградской, основательницы центра перинатального просвещения «Рожана». Успешный некоммерческий проект, который со временем начал приносить доход. И снова та же схема: внезапная атака «независимых» критиков при активной поддержке сектоведов, обвинения в создании секты под видом курсов для беременных, массированная кампания в интернете, координируемая структурами Дворкина. Итог — уголовное дело, тюремное заключение для мужа Цареградской и классический рейдерский захват бизнеса.

Схема была универсальной. Обвинение по ассоциации. Клеймение. Использование административного ресурса для добивания жертвы.

Анна перевела взгляд на экспертизу Креминовской против Дмитрия Сороки. Структура текста совпадала с российскими аналогами вплоть до абзацев. Те же обороты: «признана многими религиоведами», «скрытое психологическое воздействие», «деструктивный характер». Разница заключалась лишь в том, что в России уничтожали

неудобный бизнес или отбирали детей, а здесь, в воюющей Украине, технология применялась для паралича волонтерского движения.

Это не было самодеятельностью бывшей модераторши живодерского форума. Ирина просто взяла готовую, обкатанную в соседней стране франшизу и развернула ее в Киеве. Но любая франшиза требует стартового капитала. Содержание офиса в центре города, организация пресс-конференций в дорогих отелях, зарплаты юристам — все это стоило огромных денег.

Пальцы быстро застучали по клавиатуре. Анна открыла портал открытых данных Министерства юстиции и вбила в строку поиска ЕГРПОУ код «Центра исследований новых религиозных движений».

Система выдала стандартную выписку. Общественная организация, некоммерческий статус. Учредитель — Креминовская Ирина. В разделе финансовой отчетности за первый квартал значились весьма скромные суммы. Заявленная стоимость их «исследовательских проектов» и аренды офиса едва превышала несколько десятков тысяч гривен.

Но Анна знала, где искать настоящие цифры. Опыт работы с антикоррупционными расследованиями научил ее не верить парадным декларациям. Она переключилась на международные агрегаторы грантовой поддержки и реестры донорских поступлений, прогоняя название Центра через фильтры аффилированных лиц и связанных благотворительных фондов.

Поиск занял около часа. Пришлось продираться сквозь сложную цепочку транзакций, где деньги перетекали со счетов одних малоизвестных НКО на другие, дробились и меняли назначение платежа. Наконец, программа-парсер выдала сводную таблицу.

Журналистка откинулась на спинку кресла, чувствуя, как пересыхает во рту.

Цифры на экране не оставляли пространства для сомнений. Общий объем финансирования, зашедший на счета структур, напрямую связанных с Креминовской, за последние три месяца вчетверо превышал стоимость всех заявленных Центром проектов. Миллионы гривен. Деньги поступали траншами от нескольких европейских фондов с размытыми названиями вроде «Защита традиционных ценностей и семьи».

Анна скопировала название одного из этих фондов и вставила в поисковик, добавив ключевое слово «FECRIS» — Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве. Французская организация, которая долгие годы служила респектабельной европейской крышей для российских сектоведов.

Одна из ссылок вела на статью итальянского профессора социологии Массимо Интровинье. В тексте прямо указывалось, что даже после начала войны на Донбассе в списках FECRIS продолжают числиться украинские филиалы, тесно связанные с российским РАЦИРС. И именно через эти каналы в европейское информационное пространство забрасывались нарративы о том, что Украина якобы поражена сектантством.

Это не была просто месть или локальная борьба за влияние. Это была системная, щедро финансируемая операция. В то время как на востоке страны шли артиллерийские дуэли, здесь, в глубоком тылу, работала невидимая армия. Они использовали статус правозащитников и экспертов, чтобы бить по самым болевым точкам общества. Они отрезали волонтеров от международного финансирования, парализуя помощь переселенцам. Они сеяли хаос и недоверие, используя юридические механизмы демократического государства для его же разрушения.

Слова Ирины Креминовской, брошенные у лифта, теперь звучали совершенно иначе. *«Мы не выбираем жертв. Мы выявляем угрозы»*.

Для них угрозой был любой человек, способный к самоорганизации. Дмитрий Сорока, кормящий беженцев. Независимые журналисты, активисты, волонтеры. Все они были лишь препятствиями на пути машины, которая методично зачищала социальное пространство, готовя почву для чего-то гораздо более страшного.

Анна сохранила финансовые выписки на зашифрованный флеш-накопитель и выключила настольную лампу. Комната погрузилась во мрак, освещаемая лишь холодным светом монитора. Где-то вдалеке, за окном, завыла сирена скорой помощи, напоминая о том, что война идет каждый день. Но теперь журналистка точно знала: линия фронта проходит не только по окопам Донбасса. Она проходит через светлые конференц-залы, банковские счета и экспертные заключения, где люди в дорогих костюмах с улыбкой подписывают приговоры целым организациям, превращая правосудие в идеальное оружие террора. И остановить этот конвейер можно было только одним способом — вытащив его авторов на свет.

Глава 6. Спасение по расписанию

Желтый маркер прочертил неровную, агрессивную линию под абзацем на сто двенадцатой странице. Сергей Мазур, адвокат с пятнадцатилетним стажем работы в уголовном праве, с нескрываемым отвращением захлопнул увесистый том и отодвинул его на край своего заваленного документами стола.

Обложка гласила: «Сектоведение». Книга выглядела зачитанной до дыр, с заломленными уголками и множеством закладок из обрывков кассовых чеков.

— Эту макулатуру они оставили прямо на тумбочке в комнате, где держали парня, — произнес юрист, снимая очки и устало потирая переносицу. — Как методическое пособие для охранников. Чтобы те не забывали, что охраняют не похищенного человека, а «спасают зараженную душу».

За окном киевского офиса плавился от летнего зноя асфальт, гудели машины в пробке на бульваре Леси Украинки, но внутри кабинета царила давящая, почти осязаемая прохлада от работающего на полную мощность кондиционера. Шел июль 2017 года.

Анна придвинула книгу к себе и открыла на заложенной странице. Выделенный желтым текст гласил:

«Любое сопротивление со стороны адепта при попытке извлечения из контролируемой общины следует интерпретировать исключительно как симптом измененного сознания. Это прямое доказательство глубокого психологического заражения, требующего немедленного вмешательства специалистов, даже вопреки формальной воле самого пострадавшего».

— Удобная формула, — журналистка подняла взгляд на собеседника. — Если человек сопротивляется похищению, значит, он болен, и похищать его просто необходимо. Как вам вообще удалось его вытащить?

Мазур горько усмехнулся, доставая из кармана пиджака флешку и перекатывая ее между пальцами.

— Исключительно нахрапом. Когда друзья Ильи из его протестантской общины забили тревогу, они обратились ко мне. Парень просто исчез третьего июня прямо с автобусной остановки. Мы подали заявление о незаконном лишении свободы. Я лично ездил с опергруппой по биллингу его телефона, который в последний раз засветился в частном секторе под Бучей. Мы буквально выломали калитку этого арендованного коттеджа.

Адвокат подался вперед, опираясь локтями о столешницу.

— И знаешь, что произошло дальше? Ничего. Уголовное дело так и не было возбуждено. Местный участковый, прибывший на место, квалифицировал случившееся как «семейный конфликт».

— Десять дней удержания в запертом доме с решетками на окнах — это семейный конфликт?

— С точки зрения нашей правоохранительной системы — да, если заказчиком выступает родная мать, — Мазур открыл картонную папку с материалами доследственной проверки. — Валентина Нечай дала письменное согласие на проведение «реабилитационных мероприятий». Она же оплатила аренду дома и услуги так называемых консультантов. Формально Илья совершеннолетний, ему двадцать два года. Но в материалах дела лежат справки от неких частных психологов о том, что он находился в состоянии неадекватности, а охранники просто «оказывали ему помощь».

Юрист развернул к Анне ксерокопию объяснительной записки, написанной уверенным почерком.

— Обрати внимание на подпись человека, который руководил процессом реабилитации. Он приезжал в Бучу дважды за эти десять дней, чтобы проводить с Ильей беседы.

Журналистка вчиталась в строчки, заполненные сухим канцелярским языком. Консультант детально описывал свои действия как «психологическую коррекцию», ссылаясь на европейский опыт. В самом низу страницы стояла размашистая подпись и контактный адрес электронной почты для связи с правоохранительными органами: aleksey_pahan@...

Воздух в кабинете внезапно показался Анне слишком разреженным. Буквы на белом листе бумаги сложились в знакомый, пугающий узор.

Тот самый никнейм. Человек, который на закрытом форуме хладнокровно рассуждал о том, что рядовые исполнители — это лишь расходный материал, а настоящая цель проекта заключается в подготовке кадров для работы с людьми. Садист с юридическим образованием, координировавший боевое крыло сети, теперь официально выступал в роли респектабельного «специалиста по выходу из культов».

— Вы пытались пробить этого Алексея? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Пытался. Официально он числится юрисконсультом в нескольких общественных организациях. Но методы работы у него специфические. Илья до сих пор вздрагивает от громких звуков и спит со включенным светом.

Покинув офис Мазура, Анна долго сидела в припаркованной машине, не поворачивая ключ зажигания. Раскаленный салон пах нагретым пластиком, но она не замечала духоты. Разрозненные фрагменты расследования, которые она собирала годами, сейчас со звонким щелчком вставали на свои места, образуя единую, монолитную структуру финансово-силового синдиката.

До этого момента деятельность Центра исследований новых религиозных движений, возглавляемого Ириной Креминовской, казалась ей преимущественно бумажной войной. Фабрикация экспертиз, блокировка грантов, уничтожение репутации волонтеров. Но появление Алексея в роли куратора похищений меняло масштаб угрозы.

Она достала планшет и открыла сохраненные архивы международных правозащитных отчетов. В документах организации Human Rights Without Frontiers подробно описывались аналогичные схемы, годами работавшие в Японии и России.

Текст одного из отчетов пестрел цифрами и сломанными судьбами. Японский опыт показывал, что так называемое депрограммирование — это в первую очередь сверхприбыльный теневой бизнес. Экзит-консультанты вроде Такаши Миямуры брали с перепуганных родственников до сорока тысяч евро за услугу насильственного извлечения близких из «неправильных» общин. Люди брали кредиты, продавали недвижимость, влезали в долги, чтобы оплатить услуги похитителей.

Российская калька, выстроенная структурами Александра Дворкина, работала еще циничнее. Там заказное насилие было поставлено на поток через сеть аффилированных реабилитационных центров, где с похищенными работали специально обученные психиатры и священники. Любая попытка жертвы защитить свои права разбивалась о

глухую стену круговой поруки: полиция отказывалась вмешиваться в «дела семьи», а суды принимали во внимание заранее подготовленные справки о невменяемости.

Теперь эта франшиза полноценно развернулась в пригородах Киева.

Квартира Нечаевых находилась в старой панельной девятиэтажке. Дверь открыла Валентина — женщина лет пятидесяти с глубокими морщинами у губ и цепким, настороженным взглядом. На ней был выцветший домашний халат, а руки нервно теребили краешек кухонного полотенца.

— Адвокат сказал, что вы придете, — произнесла она вместо приветствия, отступая в темный коридор. — Проходите на кухню. Только тихо, Илюша отдыхает в своей комнате.

На тесной кухне, заставленной банками с консервацией, мерно тикали дешевые настенные часы. Валентина поставила на стол две чашки с растворимым кофе, но сама к напитку не притронулась. Ее поза выражала глухую, инстинктивную оборону.

— Вы ведь пришли осуждать меня, да? — женщина резко вскинула подбородок. — Как тот юрист. Все такие умные, пока это не касается их собственных детей.

— Я пришла понять, как вы вышли на этих людей, Валентина, — мягко ответила Анна, доставая блокнот. — Кто дал вам контакты Алексея?

Хозяйка квартиры тяжело вздохнула, опустив глаза на клеенку, покрывающую стол.

— Это началось еще зимой. В школе, где учится моя младшая дочь, проводили общегородское родительское собрание. Пригласили лекторов из какого-то исследовательского центра. Они рассказывали о безопасности в интернете, о группах смерти, о том, как подростки попадают под влияние манипуляторов. Все звучало очень правильно, научно. В конце они раздали глянцевые брошюры. «Как распознать, что ваш ребенок попал в беду». И там был номер горячей линии.

Валентина замолчала, машинально вытирая невидимую крошку со стола.

— Илья всегда был обычным парнем. Учился в техникуме, гулял с друзьями, иногда выпивал пиво по выходным. Ничего особенного. А потом он познакомился с ребятами из этой протестантской общины. Сначала я даже радовалась. Он бросил курить, стал читать Библию, нашел подработку на складе. Но потом он начал отдавать десятую часть своей зарплаты на нужды их церкви. Стал пропадать на их собраниях каждые выходные. Отдалился от старых друзей.

— И вы позвонили по номеру из брошюры.

— Да. Просто чтобы проконсультироваться, — голос женщины дрогнул. — Трубку взяла приятная девушка. Я рассказала ей о ситуации. Она сразу переключила меня на специалиста. Он представился Алексеем. Сказал, что это классические признаки радикальной группы. Что они используют техники контроля сознания, чтобы заставить адептов переписать на них квартиры. Он говорил так уверенно, сыпал терминами. Сказал, что если я не вмешаюсь сейчас, через полгода Илья станет зомби и может покончить с собой.

Страх. Древний, парализующий родительский страх стал тем самым ключом, которым мошенники вскрыли эту семью.

— Сколько они запросили за свои услуги? — спросила журналистка.

Валентина отвела взгляд к окну, за которым качались ветки старого тополя.

— Пять тысяч долларов за две недели реабилитации. У меня не было таких денег. Я взяла кредит под залог дачного участка. Алексей сказал, что это инвестиция в жизнь моего сына. Что они поместят его в комфортный загородный пансионат, где с ним будут работать лучшие психологи страны.

— А потом наступило третье июня.

— Я сама сказала Илье пойти на ту остановку, — по щеке женщины покатилась слеза, которую она торопливо смахнула тыльной стороной ладони. — Попросила встретить друзей моего брата, передать им ключи от гаража. Когда подъехал микроавтобус, я смотрела из окна нашей кухни. Двое мужчин вышли, взяли его под руки и затолкали внутрь. Он даже не сопротивлялся, просто не понял, что происходит. Я стояла здесь, у этого самого окна, и плакала, убеждая себя, что делаю это ради его спасения.

Тихий скрип дверных петель заставил Анну обернуться.

На пороге кухни стоял Илья. Высокий, болезненно худой парень в серой толстовке, которая висела на нем как на вешалке. Под глазами залегли глубокие, темные тени, а кожа имела землистый, нездоровый оттенок человека, давно не видевшего солнца.

Он молча прошел к столу, отодвинул табуретку и сел напротив журналистки. Его движения были медленными, осторожными, словно он боялся расплескать воду из невидимого стакана.

— Мам, выйди, пожалуйста, — произнес он. Голос звучал глухо, почти шепотом.

Валентина покорно поднялась и покинула кухню, плотно прикрыв за собой дверь. Оставшись наедине с Анной, Илья обхватил чашку с остывшим кофе длинными, подрагивающими пальцами.

— Вы хотите знать, что было в том доме, — это прозвучало не как вопрос, а как утверждение.

— Если ты готов об этом говорить. Сергий Мазур показал мне материалы дела. Но сухие строчки протокола не передают того, что там происходило на самом деле.

Парень усмехнулся — коротко, безрадостно.

— Там не было никаких пыточных камер. Никто не приковывал меня к батарее и не бил током. Современные методы работают гораздо тоньше. Дом был обычным, просто с глухими заборами и замками на окнах. Внутри постоянно находились двое охранников. Здоровые мужики, молчаливые. Они забрали телефон, часы, шнурки.

Илья поднял взгляд на Анну. В его глазах стоял застывший, кристаллизованный ужас.

— Самым страшным было расписание. Они не давали мне спать. Каждые полтора-два часа дверь в комнату открывалась, включался верхний свет, и охранник требовал, чтобы я встал и назвал свое имя. Если я отказывался вставать, они просто стягивали матрас на пол. На третий день ты перестаешь понимать, какое сейчас время суток. Мозг превращается в вязкую кашу. Ты готов согласиться с чем угодно, лишь бы тебе дали закрыть глаза.

Журналистка быстро делала пометки в блокноте, стараясь не упустить ни одной детали. Классическая депривация сна — базовый метод слома личности, применяемый в спецслужбах. Ирония заключалась в том, что именно эти методы использовали те, кто называл себя борцами с сектантством.

— Алексей приезжал часто? — спросила она.

— Дважды. На четвертый и на восьмой день. Он не кричал. Он садился напротив меня на стул, клал на стол свою книгу и начинал говорить. По шесть часов подряд. Монотонно, методично вбивая мне в голову, что моя вера — это болезнь. Что мои друзья из общины просто используют меня ради денег. Что я пустое место, ничтожество, которое не способно самостоятельно мыслить.

Пальцы Ильи с такой силой сжали фаянсовую чашку, что костяшки побелели.

— Он ставил аудиозаписи разговоров моей матери. Где она плачет и умоляет спасти меня. Алексей говорил: «Смотри, до чего ты довел родного человека. Твой Бог пуст. Никто не придет тебя вытаскивать. Ты останешься здесь ровно до тех пор, пока не признаешь, что вся твоя жизнь до этого момента была ошибкой». Он препарировал мои мысли, как лягушку на уроке биологии. Искал слабые места, давил на чувство вины. К концу недели я уже сам начал верить, что схожу с ума.

В повисшей тишине кухни было слышно, как на улице с грохотом проехал трамвай, заставив дребезжать оконные стекла. Илья вздрогнул всем телом, вжимаясь в спинку табурета.

— Сергей сказал, что ты отказываешься давать официальные показания для прокуратуры, — мягко произнесла Анна, закрывая блокнот. — Илья, послушай меня. То, что они сделали — это уголовное преступление. Похищение человека, незаконное лишение свободы, вымогательство. У нас есть биллинги, есть договор аренды дома, есть подпись Алексея. Если мы предадим это огласке, если ты выступишь в суде, мы сможем остановить этот конвейер.

Парень медленно покачал головой. Его взгляд снова потух, вернувшись в состояние глухой апатии.

— Вы не понимаете, с кем имеете дело, — прошептал он, наклоняясь через стол. — Когда адвокат выломал дверь и выводил меня из дома, Алексей стоял на крыльце. Он даже не пытался нас остановить. Он просто смотрел на меня. И улыбался.

Илья сглотнул подступивший к горлу ком.

— Пожалуйста, не упоминайте мою фамилию в своих статьях. Напишите просто «один из пострадавших». Я не пойду в суд. Я не буду писать заявлений.

— Почему? Они не смогут достать тебя, если дело получит публичный резонанс. Журналисты, правозащитники…

— Эти люди не журналистов боятся, — перебил ее Илья, и в его шепоте прозвучала ледяная, выстраданная уверенность. — Эти люди умеют ждать. Они знают мой адрес, они знают, где учится моя сестра. Алексей сказал мне напоследок одну вещь. Он сказал: «За нами стоят люди посерьезнее психологов. Мы — санитары. А санитары всегда возвращаются, если пациент недолечен».

Он резко поднялся из-за стола, давая понять, что разговор окончен.

Анна вышла из подъезда в душный летний вечер. Солнце медленно садилось за крыши панельных домов, окрашивая небо в тревожные, багровые тона. В ее сумке лежал блокнот с записями, которые могли бы взорвать информационное пространство. Но без главного свидетеля эти записи оставались лишь набором слов.

Система работала безупречно. Они не просто похищали людей ради денег. Они ломали их волю настолько глубоко, что жертвы сами становились гарантами их безнаказанности, предпочитая жить в вечном страхе, лишь бы больше никогда не встречаться со своими «спасителями». И пока этот страх парализовал общество, невидимая армия продолжала расширять свои границы, готовясь к выполнению задач совершенно иного уровня.

Глава 7. Симфония для Пахана

Зеленая полоса аудиодорожки пульсировала на экране смартфона, ритмично подрагивая в такт глухим голосам. Правый наушник, который Анна плотно прижимала к уху, выдавал запись с заметным фоновым шумом — шуршанием плотной ткани и мерным, ритмичным скрипом автомобильных дворников.

Кафетерий на окраине Дарницкого района пустовал. За окном моросил мелкий октябрьский дождь 2019 года, размывая контуры припаркованных у обочины машин и превращая свет уличных фонарей в мутные желтые пятна. Место для встречи было выбрано не случайно: сюда не ходили случайные прохожие, а персонал за стойкой больше интересовался экраном телевизора под потолком, чем единственными посетителями в дальнем углу зала.

Виктор Пасько сидел напротив, сцепив пальцы в замок. Инженер по образованию, он выглядел совершенно неуместно в роли подпольного информатора. Строгий вельветовый пиджак, аккуратная короткая стрижка, педантичная манера раскладывать вещи на столе — телефон лежал строго параллельно краю деревянной столешницы, а бумажная салфетка под чашкой с травяным чаем была выровнена по центру. Три года

этот человек входил в региональную структуру сети под видом независимого «эксперта по деструктивным культам». Год назад он вышел из игры, оборвав все контакты.

— Слушайте внимательно, — тихо произнес Виктор, кивнув на телефон журналистки. — Это запись с видеорегистратора в машине Алексея. Флешку забыли вытащить перед тем, как отдать автомобиль в сервис, а мастер оказался моим хорошим знакомым.

Анна чуть сильнее вдавила наушник в ухо. Сквозь шум дождя на записи прорезался знакомый, расслабленный баритон Алексея.

«Статус журналиста даёт нам право на вооружённый отпор, — вещал голос в динамике, сопровождаемый щелчком зажигалки. — Мы будем убивать подонков на месте. Любое движение в нашу сторону, любая попытка помешать съемке — это нападение на прессу при исполнении. Удостоверение работает лучше любого бронежилета».

Секундная пауза заполнилась звуком выдыхаемого дыма. Затем ответил женский голос, ровный и деловой. Ирина.

«Главное — правильная фиксация на камеру, — произнесла она. — Если кто-то из твоих парней сорвется и применит ствол раньше времени, я проведу это по бумагам. Оформим задним числом как нападение живодёров на независимого расследователя, защищавшего животных. У нас уже есть нужные бланки и выходы на нужных следователей в районе».

Аудиодорожка закончилась, сменившись ровным статическим шипением. Журналистка вытащила наушник и положила его на стол рядом со смартфоном. Воздух в кафетерии внезапно показался слишком спертым, пахнущим старым фритюром и сыростью.

— Они регистрируют своих боевиков как внештатных корреспондентов одного лояльного провластного издания, — нарушил молчание Пасько, методично помешивая ложечкой давно остывший чай. — Эта схема уже применялась дважды за последний год. В спальном районе группа парней спортивного телосложения с камерами провоцирует конфликт с местными активистами. Начинается потасовка. Один из «журналистов» достает травматический пистолет и стреляет в упор. Полиция приезжает на место, но вместо хулиганства или покушения оформляет дело о воспрепятствовании законной профессиональной деятельности журналиста.

— Идеальное юридическое пространство для применения силы, — Анна достала блокнот, быстро фиксируя даты и имена, которые инженер назвал ранее. — Они получают монополию на насилие под прикрытием свободы слова. Но травматическое оружие и корочки прессы — это только инструменты. Кто учит их действовать слаженно? На форуме они были просто разрозненной толпой садистов, травивших собак.

Виктор горько усмехнулся, отодвинув от себя чашку. Его взгляд скользнул по пустой улице за окном, словно проверяя, не остановилась ли там подозрительная машина.

— Толпа осталась в прошлом. Сейчас это структурированное боевое крыло. «Журналисты-догхантеры» проходят регулярный инструктаж у бывших сотрудников силовых структур. У них есть закрытая база отдыха под Черниговом. Формально — площадка для пейнтбола и тактических игр. Фактически — тренировочный лагерь.

Инженер подался вперед, понизив голос почти до шепота.

— Там их учат не только стрельбе. Их учат правовой хореографии конфликта. Как правильно стоять перед камерой, какие слова выкрикивать, чтобы на записи это выглядело как самооборона. Инструкторы преподают им методы сбора разведданных. Боевики создают фейковые аккаунты, втираются в доверие к администраторам неугодных групп в социальных сетях, выясняют адреса, маршруты передвижения, привычки. Они знают, в какую школу ходят дети объекта, где он паркует машину, с кем пьет кофе по утрам. А потом в нужный момент используют тактику провокации и насмешек, чтобы заставить человека выйти из себя прямо под объективами камер.

За барной стойкой громко зашипела кофемашина, заставив Пасько на секунду замолчать. Он достал из внутреннего кармана пиджака сложенный вдвое лист бумаги и положил его перед Анной. Это была ксерокопия титульного листа психологического заключения, датированного ноябрем 2018 года.

— Вы спросили, почему я ушел, — произнес Виктор, и в его голосе впервые прорезалась тщательно скрываемая дрожь. — Три года я помогал им собирать техническую информацию, анализировал трафик, составлял базы данных. Я убеждал себя, что мы действительно занимаемся профилактикой правонарушений. Пока однажды Ирина не вызвала меня в офис и не положила на стол вот это.

Журналистка развернула лист. В шапке документа значились реквизиты районного суда, рассматривавшего семейный спор. Ниже шел заголовок: «Экспертное заключение о психологическом состоянии несовершеннолетнего».

— Это было дело об опеке, — продолжил инженер, глядя на бумагу так, словно та могла обжечь ему пальцы. — Крупный бизнесмен решил отобрать семилетнюю дочь у бывшей жены. Мать девочки увлекалась йогой и состояла в какой-то безобидной эзотерической группе. Клиент щедро заплатил Центру за то, чтобы эту группу признали деструктивной. Но этого было мало для суда. Им нужен был документ, подтверждающий, что ребенок получил непоправимую психологическую травму из-за «сектантских» взглядов матери.

Виктор сглотнул, его кадык нервно дернулся над воротником рубашки.

— Они написали заключение сами. На двадцати страницах расписали симптомы индуцированного бреда, подавленной воли, необходимости срочной изоляции девочки от матери. А потом Ирина протянула мне ручку и сказала подписать документ в качестве технического специалиста, проводившего анализ аудиозаписей из квартиры. Я видел эту девочку в коридоре суда. Обычный, напуганный ребенок, который плакал и звал маму. Я знал, что моя подпись станет решающей для судьи.

— И вы отказались.

— Я положил ручку на стол и вышел из кабинета. В тот же вечер я собрал вещи, сменил номера телефонов и переехал на съемную квартиру. Я понял, что весь их так называемый экспертный статус — это просто ширма для выполнения коммерческих заказов по уничтожению людей.

Анна внимательно изучала документ. Подписи Пасько там действительно не было, но стояли росчерки двух других «специалистов» Центра. Судьба ребенка была решена несколькими росчерками чернил, оплаченными по теневому прайсу.

— Алексей пытался вас искать? — спросила она, убирая копию в сумку.

Услышав это имя, Виктор заметно напрягся. Его пальцы снова сцепились в замок, костяшки побелели от напряжения.

— Алексей не ищет тех, кто ушел тихо. Он слишком занят теми, кто пытается сопротивляться. Вы должны понимать его профиль, Анна. Он не просто наемник или

юрист, отрабатывающий гонорар. У него глубокая нарциссическая убеждённость в собственной непогрешимости. Для него весь этот процесс — игра в Бога.

Инженер посмотрел журналистке прямо в глаза, и в его взгляде читался неподдельный, выстраданный страх.

— Я присутствовал на нескольких допросах, которые он проводил с похищенными людьми. Он не бьет их. Он садится напротив и методично, час за часом, разрушает их картину мира. Он получает физическое удовольствие, наблюдая за тем, как в глазах человека гаснет надежда. Как ломается воля. Я однажды слышал, как он обсуждал это с Ириной. Он назвал чужой страх «своей личной симфонией». Для него страдания живых существ — это музыка, которой он дирижирует. И сейчас, получив в свое распоряжение вооруженных людей с корочками прессы, он готовится сыграть эту симфонию на совершенно ином уровне.

Разговор продлился еще около двадцати минут. Пасько передал Анне флешку с полным архивом аудиозаписей и несколькими внутренними документами Центра, касающимися структуры финансирования боевого крыла. Прощаясь у выхода из кафетерия, инженер натянул капюшон куртки глубоко на лоб.

— Будьте осторожны, — бросил он напоследок, прежде чем раствориться в пелене октябрьского дождя. — Они знают, что вы продолжаете копать. И для них вы давно перешли из категории раздражителей в категорию целей.

Квартира встретила Анну привычной тишиной и запахом остывшего кофе, оставленного в турке с утра. Бросив промокшее пальто на кресло в прихожей, она сразу прошла в комнату, даже не включив верхний свет. Единственным источником освещения служил уличный фонарь, отбрасывающий на стену длинные, искаженные тени оконных рам.

Сев за рабочий стол, журналистка достала ноутбук и вставила переданную инженером флешку в порт. Система тихо пискнула, распознавая внешний накопитель. Внутри оказалась сложная структура папок: сканы договоров аренды базы, списки фамилий боевиков с номерами их журналистских удостоверений, выписки по транзакциям.

Она открыла текстовый редактор, чтобы начать систематизировать полученные данные. Пальцы быстро застучали по клавиатуре, перенося ключевые тезисы из

разговора с Пасько в защищенный файл. Боевое крыло. Правовое прикрытие. Симфония страха.

Внезапно экран смартфона, лежащего рядом с клавиатурой, коротко вспыхнул. Пришло системное уведомление от почтового клиента.

Анна смахнула блокировку и открыла сообщение. Текст гласил: *«Выполнен новый вход в ваш аккаунт. Устройство: неизвестно. Местоположение: Харьковская область»*.

Внутри похолодело. Она никогда не была в Харькове в этом месяце, а двухфакторная аутентификация на почте стояла уже полгода. Кто-то получил доступ к учетной записи несмотря на включенную двухфакторную аутентификацию.

Журналистка быстро перевела взгляд на экран ноутбука. В правом нижнем углу панели задач иконка беспроводной сети внезапно изменила свой вид. Уровни сигнала исчезли, сменившись маленьким изображением глобуса, перечеркнутым крестиком. Связь с интернетом оборвалась.

В комнате стояла абсолютная тишина, нарушаемая лишь тихим гудением холодильника на кухне. Маршрутизатор, стоящий на полке над столом, вел себя странно. Индикатор приема данных перестал равномерно мигать и загорелся ровным, непрерывным красным светом.

Секунда. Вторая. Третья.

Иконка сети на ноутбуке снова сменилась на привычные полоски сигнала. Подключение восстановилось так же внезапно, как и пропало.

Это не был технический сбой провайдера. Опыт работы с цифровой безопасностью подсказывал Анне совершенно иной сценарий. Потеря соединения на несколько секунд без видимой причины часто означала одно: в этот момент происходил перехват сессии или принудительная маршрутизация трафика через сторонний сервер. Кто-то снаружи прямо сейчас сканировал ее локальную сеть, проверяя открытые порты и активные устройства.

Чувство чужого, невидимого присутствия в пустой квартире стало почти осязаемым. Словно кто-то стоял за спиной, дыша в затылок и внимательно изучая содержимое монитора через ее плечо.

Не тратя времени на раздумья, Анна выдернула шнур питания из маршрутизатора. Зеленые и красные диоды мгновенно погасли. Затем она аккуратно извлекла флешку Пасько, спрятала ее во внутренний карман сумки и захлопнула крышку ноутбука.

Она сидела в темноте еще долго, прислушиваясь к звукам ночного города за окном. Предупреждение инженера обретало вполне конкретные, цифровые очертания. Сеть Алексея и Ирины перестала просто наблюдать. Они перешли к активному прощупыванию периметра, демонстрируя свои возможности. Вскрытый почтовый ящик из другого города был не столько попыткой украсть информацию, сколько посланием. Демонстрацией того, что замки на виртуальных дверях для них не преграда.

Утро началось не с будильника, а с вибрации телефона на прикроватной тумбочке.

Светло-серые сумерки только начали проникать сквозь плотные шторы, наполняя спальню холодным, неуютным светом. Анна открыла глаза, чувствуя тяжесть в голове после бессонной ночи. Электронные часы на стене показывали половину седьмого.

На экране смартфона светился незнакомый номер, начинающийся с кода мобильного оператора, которым она сама никогда не пользовалась. Никаких определителей спама или подписей из записной книжки. Просто одиннадцать цифр, настойчиво требующих ответа.

Журналистка села на краю кровати, сбросив одеяло. Пальцы машинально потянулись к экрану. Она нажала зеленую кнопку и поднесла динамик к уху.

— Слушаю, — произнесла она ровным, спокойным голосом, стараясь не выдать внутреннего напряжения.

На другом конце линии царила тишина. Ни фонового шума улицы, ни гула офиса, ни треска плохой связи. Абсолютный, стерильный вакуум цифрового соединения.

— Алло? Кто это?

Ответом послужил лишь звук дыхания. Ровный, глубокий, размеренный вдох. Медленный выдох. В этом дыхании не было ни угрозы, ни спешки, ни волнения. Человек на другом конце провода просто дышал в трубку, внимательно слушая тишину в спальне Анны. Слушая, как колотится ее сердце, как она сама задерживает дыхание в ожидании слов.

Это длилось ровно пятнадцать секунд. Пятнадцать секунд чистой, дистиллированной демонстрации контроля, той самой «симфонии», о которой вчера рассказывал Пасько в пустом кафетерии.

Затем раздался короткий щелчок, и линия отключилась, оставив журналистку наедине с короткими гудками отбоя, эхом разлетающимися по утренней квартире.

Глава 8. Прага, Рига, тени

Скрежет металлической щетки по камню эхом разносился вдоль узкой улицы Йозефова квартала. Двое рабочих в оранжевых жилетах методично оттирали бурые пятна краски с исторического фасада, пока третий закреплял толстый лист влагостойкой фанеры поверх разбитого витражного окна. Холодный февральский ветер гнал по брусчатке мелкий мусор, заставляя редких прохожих глубже прятать лица в воротники пальто.

Раввин Ицхак Гольдберг стоял на противоположной стороне узкого тротуара, заложив руки за спину. На его левом запястье, резко контрастируя с традиционным черным сюртуком, переливались цифрами массивные спортивные смарт-часы.

— В полицейском отчете это названо «актом бытового хулиганства», — произнес Гольдберг, не отрывая взгляда от рабочих. Его голос звучал ровно, но в уголках губ залегла жесткая складка. — Официальная версия гласит, что в ночь на двенадцатое февраля группа нетрезвых подростков решила развлечься. Бросили несколько камней, распылили краску из баллончика и убежали.

Анна перевела взгляд с изуродованного окна на лицо раввина.

— Вы в это не верите.

— Я верю фактам, госпожа Бойко. А факты говорят о том, что подростки не приносят с собой профессиональные трафареты для надписей. И уж тем более они не проводят предварительную информационную артподготовку.

Гольдберг извлек из глубокого кармана сюртука планшет, разблокировал экран и протянул его журналистке. На дисплее была открыта подборка скриншотов из чешских социальных сетей и локальных форумов. Даты публикаций охватывали весь январь — ровно за месяц до нападения.

Тексты пестрели броскими заголовками: «Тайная жизнь пражской синагоги», «Радикальная изоляция: что скрывают за закрытыми дверями», «Финансовые потоки и ритуальные практики: расследование».

— Поначалу мы не обращали внимания, — продолжил раввин, пока Анна пролистывала изображения. — В интернете всегда хватает сумасшедших. Но потом масштаб начал расти. Эти тексты публиковались не с личных страниц, а через сетку анонимных аккаунтов. Они методично вбрасывали тезисы о том, что наша община представляет собой замкнутую радикальную группу, которая угрожает чешскому обществу. Они использовали псевдонаучные термины, ссылались на каких-то безымянных экспертов-религиоведов.

Пальцы Анны замерли над экраном. Синтаксис сообщений, ритм подачи информации, специфическое чередование эмоциональных обвинений с псевдоакадемической лексикой — всё это выглядело до боли знакомым. Она приблизила один из скриншотов, вчитываясь в комментарии под постом. Те же самые паттерны поведения ботов: поддержка основного нарратива, агрессия к любым сомневающимся, призывы к «решительным действиям неравнодушных граждан».

Именно так разгонялась кампания против киевских волонтеров. Сменились язык и мишени, но алгоритм остался неизменным.

— Они создали образ врага, — тихо сказала Анна, возвращая планшет. — А потом кто-то просто пришел и бросил камень в окно, будучи уверенным, что совершает правое дело.

— Именно, — кивнул Гольдберг. — И самое страшное, что после нападения эти публикации не исчезли. Наоборот, они получили легитимизацию в официальной прессе. Местные публицисты начали ссылаться на эти анонимные вбросы как на «глас народа», требуя проведения проверок нашей деятельности.

Разговор с раввином стал последним элементом головоломки, контуры которой начали проступать тремя днями ранее, за тысячу километров от Праги.

В Риге пахло хвоей и влажным морским ветром. Встреча с Андрисом Берзиньшем проходила в пустом зале библиотеки Латвийского университета — месте, которое бывший сотрудник контрразведки выбрал из-за невозможности установить там направленные микрофоны без привлечения внимания архивариусов.

Берзиньш выглядел как уставший школьный учитель географии: потертый вельветовый пиджак, очки в тонкой роговой оправе, термос с горячей водой и лимоном, из которого он периодически отпивал мелкими глотками. Однако стопка распечаток, лежащая перед ним на дубовом столе, не имела никакого отношения к школьной программе.

— Проблема Европы в том, что она слишком верит в собственные институты, — произнес Андрис, придвигая к Анне верхний лист. — Европейцы считают, что если человек использует правильные слова — «права человека», «свобода слова», «защита меньшинств», — значит, он по определению находится на стороне добра.

На листе была распечатана электронная переписка. Даты относились к прошлому году.

— Это материалы из взломанного почтового ящика одного из депутатов Европарламента от Латвии, — пояснил экс-контрразведчик, постучав узким пальцем по шапке документа. — Долгие годы эта женщина выстраивала себе имидж главного борца с неонацизмом в Балтии. Она заседала в комитетах, произносила пламенные речи о дискриминации, организовывала международные конференции с участием делегатов из Франции, Германии, Дании.

Анна вчиталась в текст. В письмах обсуждалась координация визитов группы западных политиков на территорию оккупированного Крыма. Мероприятие подавалось под вывеской «независимого наблюдения за выборами» и «защиты прав местного населения».

— Они не используют людей в погонах для легализации своих нарративов, — продолжил Берзиньш. — Они используют статусных европейских политиков, которые едут туда, делают нужные заявления на камеры, а затем возвращаются в Брюссель. И всё это оплачивается через сложную сеть фондов, связанных с Москвой. Депутат годами эксплуатировала правозащитную риторику, чтобы создать легальный коридор для российского влияния прямо в сердце Евросоюза.

Журналистка перевернула страницу. В следующем письме обсуждалась организация конференции в Праге, где среди приглашенных гостей значились фамилии людей, которых Анна уже встречала в материалах по киевскому Центру.

— Вы хотите сказать, что антикультовое движение работает по той же схеме? — спросила она, поднимая взгляд на собеседника.

Берзиньш отпил из термоса и аккуратно закрутил крышку.

— Это не просто та же схема. Это соседний отдел одной и той же корпорации. Политическое крыло использует тему прав человека для оправдания оккупации. А псевдорелигиозное крыло использует тему защиты психологического здоровья для уничтожения гражданского общества. В обеих схемах применяются одни и те же методы: создание сети лояльных экспертов, получение европейских грантов, интеграция в академические круги. И Прага сейчас стала для них одним из главных хабов.

Воспоминание о рижской встрече пульсировало в висках, пока Анна поднималась по широким каменным ступеням факультета искусств Карлова университета. Чешский религиовед, пригласивший её для независимого расследования, организовал временный доступ к архиву периодики в студенческом читальном зале.

Свет настольных ламп с зелеными абажурами падал на стопки журналов и распечаток. Журналистка методично просматривала материалы о новых религиозных движениях и сектах, опубликованные Якубом Яхлом и журналисткой-расследовательницей. Их продуктивность впечатляла. Десятки статей, видеорепортажей, колонок в местных изданиях. И во всех материалах красной нитью проходила одна и та же мысль: общество находится в опасности из-за распространения скрытых радикальных групп.

Тексты Досталя о пражской синагоге были выстроены безупречно с юридической точки зрения. Он не призывал к насилию напрямую. Он лишь «задавал вопросы», «требовал прозрачности» и «предупреждал о рисках психологического манипулирования» внутри еврейской общины. Риторика почти дословно совпадала с теми анонимными вбросами, которые показывал раввин Гольдберг.

На дне одной из архивных коробок, среди черновиков и материалов для студенческих семинаров, Анна обнаружила тонкую картонную папку. Внутри лежала стопка листов формата А4, скрепленных степлером. Текст был на чешском, но структура документа заставила журналистку затаить дыхание.

Это был методический план по работе с общественным мнением. Разделы шли в строгой последовательности: «Выявление уязвимых групп», «Создание информационного вакуума вокруг объекта», «Использование триггерных тем (дети, финансы, безопасность) для формирования негативного образа».

Анна достала телефон и открыла сохраненные фотографии киевской «Санитарии общества». Она начала сверять абзацы. Перевод на чешский был качественным, адаптированным под местные реалии, но смысловые конструкции совпадали на сто процентов. Это была та же самая инструкция по маргинализации неугодных, только теперь она применялась в центре Европы.

На последней странице чешского документа стояла короткая приписка, набранная курсивом: *«Рекомендации утверждены для использования в европейском регионе. Профессор»*.

Тот же самый псевдоним. Та же самая тень, тянущаяся из московских кабинетов через киевские подворотни прямо в пражские академические залы.

Кафе «Славия» встретило Анну звоном фарфоровых чашек и приглушенным гулом голосов. Из огромных окон открывался вид на Национальный театр и свинцово-серые воды Влтавы.

Журналистка появилась ровно в назначенное время. Элегантно одетая женщина средних лет с безупречной укладкой и приветливой, открытой улыбкой. Она легко скользнула за столик, повесив кашемировое пальто на спинку стула.

— Рада наконец-то познакомиться с вами лично, Анна, — произнесла она на превосходном английском, заказывая у подошедшего официанта зеленый чай. — Я читала ваши материалы. У вас острый слог. В наше время настоящая расследовательская журналистика — большая редкость.

— Благодарю, — Анна сцепила руки на столе, внимательно изучая собеседницу. — Я тоже ознакомилась с вашими работами.

Улыбка журналистки стала чуть более профессиональной, словно она включила невидимый защитный экран.

— О, это было сложное расследование. Знаете, в Европе очень тяжело поднимать темы, связанные с религиозными меньшинствами. Сразу начинаются обвинения в

нетерпимости. Но мы считаем, что закон должен быть один для всех. Если внутри закрытой группы происходят нарушения прав человека, общество обязано вмешаться.

— Вы имеете в виду те нарушения, о которых писали анонимные аккаунты за месяц до того, как синагоге разбили окна?

Официант поставил на стол стеклянный чайник и две чашки. Журналистка неторопливо налила себе чай, наблюдая за тем, как поднимается пар.

— Интернет — сложная среда, Анна. Люди часто выражают свои страхи в резкой форме. Наша задача как журналистов — не осуждать их, а разбираться в причинах этих страхов. Мы лишь попытались проанализировать ситуацию объективно.

— Объективный анализ стоит денег, — журналистка подалась вперед. — Серия профессиональных видеорепортажей, командировки, аренда студии, оплата эфирного времени. Ваши материалы о синагоге выходили с пугающей регулярностью. Кто финансирует эти проекты?

Женщина сделала маленький глоток из чашки и аккуратно поставила её на блюдце. Тонкий фарфор издал едва слышный звон.

— Мы получаем гранты от различных европейских фондов, занимающихся защитой уязвимых слоев населения. Это открытая информация. Мы защищаем молодежь от психологического манипулирования. Вы ведь тоже занимаетесь поиском правды, не так ли? Мы могли бы сотрудничать. Обмениваться источниками.

— Мои источники утверждают, что ваша методика работы дословно копирует инструкции, разработанные в Москве. Инструкции, подписанные человеком, который называет себя Профессором.

На секунду над столиком повисла тяжелая, плотная тишина. Шум кафе словно отдалился, оставив их вдвоем в невидимом вакууме.

— Вы очень далеко от дома, Анна, — мягко произнесла она. — И, возможно, вы слишком глубоко погрузились в свою травму. Я слышала о том, что случилось с вашей собакой в Киеве. Это ужасно. Но не стоит искать глобальные заговоры там, где их нет. Чешская Республика — демократическое государство. Мы здесь сами решаем, кто представляет угрозу нашему обществу, а кто нет.

Она достала из сумочки купюру, положила её на стол и поднялась.

— Было приятно пообщаться. Берегите себя. Прага красивый город, но иногда здесь бывает неуютно по вечерам.

Анна осталась сидеть за столиком, глядя, как журналистка неспешно направляется к выходу, приветливо кивая кому-то из знакомых у барной стойки. Фасад респектабельной журналистики был выстроен идеально. Журналистка не пыталась оправдываться или спорить. Она просто продемонстрировала, что правила игры на этой территории устанавливает она, и любые обвинения разобьются о её статус защитницы общественных интересов.

Вечер опустился на город густыми, промозглыми сумерками. Желтые огни фонарей отражались в мокрой брусчатке. Возвращаясь в свой отель в районе Виноградs, Анна чувствовала нарастающую, тягучую усталость. Масштаб сети, которую выстроил Дворкин и его кураторы, оказался гораздо шире, чем она могла представить. Это была не просто группа маргиналов или коррумпированных чиновников. Это была вирусная архитектура, способная встраиваться в любые демократические институты, используя их собственные ценности как питательную среду для разрушения.

Коридор отеля на третьем этаже был пуст и тих. Шаги тонули в мягком ковровом покрытии.

Подойдя к своему номеру, Анна достала магнитный ключ, но её рука замерла на полпути к замку.

В узкой щели между дверью и полом белел сложенный вдвое лист бумаги.

Она медленно опустилась на корточки, прислушиваясь к тишине по ту сторону двери. Никаких звуков. Осторожно потянув за край листа, журналистка вытащила его в коридор и развернула.

На белой бумаге без логотипов отеля была распечатана всего одна фраза на чешском языке. Буквы были крупными, рублеными, лишенными какой-либо индивидуальности.

«Nevracejte se sem zítra».

Не возвращайтесь сюда завтра.

Никакой подписи. Никаких объяснений. Только факт того, что кто-то беспрепятственно прошел в охраняемое здание, поднялся на её этаж и оставил это послание, точно зная, в каком номере она остановилась. Анна стояла в пустом коридоре,

сжимая в руке записку, пока холодный сквозняк из вентиляционной решетки шевелил волосы на её висках. Тень, накрывшая Киев, теперь плотно сомкнулась над Прагой. И эта тень ясно давала понять, что время предупреждений подошло к концу.

Глава 9. Операция «Вуду»

Светящийся экран защищенного планшета отбрасывал холодный синеватый отблеск на гранитную облицовку колонны. Глухой гул вентиляции на станции метро «Золотые ворота» смешивался с тихими разговорами сотен людей, сидящих на туристических ковриках вдоль платформы. Наверху, над толщей киевской земли, уже сорок минут выла сирена воздушной тревоги, но здесь, в глубоком подземелье, война приобретала форму тягучего, сонного ожидания.

Мужчина в неприметной оливковой флисовой куртке сидел рядом с Анной, опираясь спиной о холодный камень. Источник в Службе безопасности, которого она знала только как Максима К., не смотрел на экран. Его взгляд бесцельно блуждал по сводчатому потолку станции, пока журналистка листала перехваченные документы.

— Обратите внимание на даты в свойствах файлов, — тихо произнес Максим, перекрывая шум проезжающего маневрового поезда. — Это выгрузка из внутреннего почтового сервера крупного российского медиахолдинга. Гриф в теме письма — «Операция Вуду».

Палец Анны замер над экраном. На прикрепленных к письму фотографиях были запечатлены предметы, разложенные на куске грязного брезента: ритуальный кинжал с витиеватой рукоятью, оплавленные черные свечи, деревянная чаша с бурыми пятнами на дне и несколько книг в кожаных переплетах с тиснением в виде перевернутых пентаграмм. Фон за брезентом терялся в искусственном затемнении, но угадывались очертания бетонной стены с облупившейся краской.

Текстовое сопровождение к фотографиям, написанное сухим канцелярским языком, гласило: *«Визуальный ряд для вечернего прайм-тайма. Изъято в ходе обыска в*

загородном доме заместителя министра. Акцент на оккультный характер находок и связи с западными кураторами».

— Обыск у этого чиновника назначен только на следующий вторник, — продолжил Максим, доставая из кармана бумажный стаканчик с давно остывшим кофе. — Никакого уголовного дела еще нет, процессуального решения о проведении обыска не вынесено. Но фотографии «вещдоков» уже отсняты, утверждены редакторами и лежат на серверах в Москве, ожидая отмашки.

Журналистка увеличила изображение оккультных предметов. Дешевая бутафория, купленная, вероятно, в первом попавшемся эзотерическом магазине. Но при правильном освещении и грамотном закадровом тексте миллионы зрителей увидят в этом неопровержимое доказательство сатанинского заговора.

Схема была до боли знакомой. Точно такой же алгоритм применялся во время недавних кризисов за рубежом. Анна вспомнила материалы о других зарубежных кризисах, где после шокового события в информационное пространство быстро вбрасывались заранее подготовленные версии. Всякий раз, когда происходило шоковое событие — насилие, покушение на политика или массовая истерия, — в течение нескольких часов в информационное пространство вбрасывался заранее заготовленный нарратив. Никто не тратил время на расследования. Ложные обвинения, связывающие конкретных лиц с радикальными культами или террористическими ячейками, публиковались мгновенно, словно по щелчку тумблера.

— Они не просто фабрикуют компромат, — Анна вернула планшет собеседнику. — Это фрагментированное воздействие на массовое сознание. Как только происходит физический удар или громкий арест, общество испытывает шок. Критическое мышление отключается. И именно в это окно уязвимости они загружают нужный деструктивный образ. Они превращают политический конфликт в религиозную войну.

Максим кивнул, пряча устройство во внутренний карман куртки.

— Директива «Вуду» ушла не только телевизионщикам. Копии направлены в отделы, курирующие сетки анонимных телеграм-каналов. Они готовят масштабную информационную волну о «сатанистах во власти», чтобы оправдать любые, даже самые бесчеловечные действия. Вопрос лишь в том, что послужит триггером для запуска этой волны. Обыск у чиновника — слишком мелкий повод для такого уровня подготовки. Им нужно нечто более разрушительное.

Запах перегретого машинного масла и выхлопных газов плотно висел над узкой улицей Подола. Огромный дизельный генератор, установленный прямо на тротуаре, надрывно ревел, обеспечивая электричеством небольшую кофейню. Внутри, несмотря на шум, было тепло и пахло свежей выпечкой.

Елена Шпак, пресс-офицер одной из ключевых энергогенерирующих компаний Киева, выглядела так, словно не спала как минимум неделю. Глубокие тени залегли под глазами, а руки, обхватившие чашку с травяным чаем, мелко дрожали.

Она положила на стол перед Анной распечатку электронного письма.

— Мы получаем десятки запросов от прессы каждый день, — голос Елены звучал глухо, почти монотонно. — Иностранные репортеры хотят снимать разрушенные трансформаторы, брать интервью у ремонтных бригад. Это рутина. Но три дня назад пришло вот это.

Журналистка пододвинула лист к себе. Запрос был оформлен на официальном бланке малоизвестного европейского агентства документалистики. Текст на безупречном английском языке содержал просьбу предоставить доступ к архивным фотографиям интерьеров одной из крупных распределительных подстанций на окраине города.

«В рамках подготовки исторического фильма о модернизации советских электросетей в Восточной Европе, просим предоставить визуальные материалы, отражающие внутреннюю архитектуру объекта до начала полномасштабных боевых действий», — гласил текст.

— Зачем документалистам старые фотографии голых бетонных стен и распределительных щитов? — Елена потерла переносицу, зажмурившись. — Я проверила их аккредитацию через свои каналы. Агентство существует, но оно зарегистрировано полгода назад. Ни одного выпущенного фильма. Никакого портфолио. Просто пустая оболочка с красивым сайтом.

Пазл в голове Анны начал складываться с пугающей скоростью. Бетонная стена с облупившейся краской на фотографиях из директивы «Вуду». Искусственное затемнение фона. Запрос на архивные снимки интерьеров конкретной подстанции.

Они не собирались проводить обыск у чиновника. Это была лишь легенда прикрытия для внутренних исполнителей на случай утечки. Настоящая цель находилась на окраине Киева.

— Им нужна фактура, Елена, — произнесла Анна, доставая блокнот. — Они строят виртуальную декорацию. Если наложить фотографии тех оккультных предметов на реальные интерьеры вашей подстанции, получится идеальная картинка. Можно будет заявить, что прямо на стратегическом объекте находилось капище.

Пресс-офицер непонимающе нахмурилась.

— Но зачем? Какой смысл придумывать капище на работающей трансформаторной станции?

— Смысл появится, когда станции не станет, — тихо ответила журналистка, чувствуя, как по спине пробегает неприятный холодок. — Они готовят информационное обоснование для ракетного удара. Если уничтожить просто гражданский объект — это военное преступление. Но если заявить, что там собирались радикальные сектанты, управляющие государством, — это уже священная война.

Елена побледнела, ее пальцы судорожно сжались на краешке стола.

— Я передала информацию в службу безопасности компании, — прошептала она. — Но мы не можем перенести подстанцию. Она питает целый район.

Остаток дня Анна провела, пытаясь дозвониться до профильных ведомств, предупреждая о готовящейся провокации. Но бюрократическая машина работала в своем, неспешном ритме. Запрос пресс-офицера рассматривался как подозрительный, но не критический. Угроза информационного вброса казалась слишком эфемерной на фоне ежедневных сводок с фронта.

Четырнадцатое марта 2024 года началось с оглушительного грохота, от которого задрожали стекла в оконных рамах.

Анна вскочила с кровати, машинально хватая телефон с прикроватной тумбочки. Время на экране показывало 04:12. За окном, в стороне левого берега, в предрассветное небо поднимался густой, черный столб дыма, подсвеченный снизу багровым заревом пожара.

Новостные ленты в мессенджерах взорвались сообщениями о прилетах. Спустя двадцать минут официальные каналы подтвердили: зафиксировано прямое попадание в

объект энергетической инфраструктуры. Тот самый, архивными фотографиями которого интересовались «европейские документалисты».

Журналистка бросилась к рабочему столу, включая ноутбук. Пальцы быстро набрали адреса российских новостных порталов и стриминговых платформ. Ей не пришлось долго ждать.

Ровно в 19:00 по московскому времени, когда спасатели в Киеве еще продолжали разбирать дымящиеся завалы, в эфир вышел экстренный выпуск новостей. Ведущий стоял на фоне плазменного экрана, где транслировались кадры разрушенной подстанции, снятые с беспилотника.

Его лицо выражало суровую, почти религиозную скорбь.

«Сегодня ночью был нанесен высокоточный удар по объекту, который лишь формально числился энергетическим узлом, — чеканил каждое слово диктор. — По данным наших источников, в подземельях этого комплекса располагался закрытый центр оккультных практик, где представители украинской элиты совместно с западными кураторами проводили ритуалы».

Картинка на экране сменилась. Появились те самые фотографии, которые Максим показывал Анне в метро. Ритуальный кинжал. Черные свечи. Деревянная чаша. Только теперь они были профессионально вмонтированы в интерьер киевской подстанции — архивные снимки стен с характерной советской плиткой и распределительными щитами служили безупречным фоном.

«Это уже не просто политический конфликт, — продолжал ведущий, повышая голос. — Мы стоим на пороге глобальной цивилизационной войны. Те, кто управляет соседним государством, давно потеряли человеческий облик, превратившись в адептов деструктивного культа. Денацификация закономерно переходит в стадию десатанизации».

Телефон на столе коротко завибрировал. Звонил Максим.

— Вы видели? — вместо приветствия спросила Анна, не отрывая взгляда от экрана, где сейчас выступал приглашенный «эксперт-религиовед», рассказывая о влиянии сект на геополитику.

— Видел, — голос сотрудника СБУ звучал устало и сухо. — Это консервы, Анна. Нарратив разрабатывался про запас, без привязки к конкретной дате. Они просто ждали

подходящий инфоповод, чтобы вытащить его из стола. Удар планировался военными по своим графикам, а медийщики просто подвязали под него операцию «Вуду».

— Они используют концепцию тоталитарной секты, чтобы расчеловечить целую страну.

— Именно. Если враг объявлен «сектантом» и «сатанистом», пропаганде проще представить его как не заслуживающего переговоров или пощады. Выпускайте свой материал. У нас есть метаданные их исходников, доказывающие, что фото были сделаны за неделю до удара. Нужно перехватить повестку, пока это не разошлось по западным социальным сетям.

Связь оборвалась. Анна открыла текстовый редактор. Экран ослепительно вспыхнул белым светом на фоне темной комнаты.

Статья под заголовком «Анатомия Операции Вуду: как фабрикуется священная война» была опубликована на портале спустя три часа.

Текст содержал жесткий, пошаговый разбор фальсификации. Анна выложила скриншоты метаданных, доказывающие дату создания исходных файлов. Она привела копию запроса от фейкового агентства документалистики, подтверждающую целенаправленный сбор архитектурных фонов для монтажа. Она детально описала алгоритм, связывающий этот вброс с методами антикультового движения, которое годами тренировалось на маргинализации мелких групп, чтобы теперь применить эти технологии против целого государства.

Публикация сработала как антидот в англоязычном сегменте интернета. Крупные западные платформы, получив технические доказательства подделки, начали маркировать сюжеты российских телеканалов как дезинформацию. Алгоритмы социальных сетей пессимизировали выдачу фейковых фотографий, не давая нарративу о «сатанистах» закрепиться в европейском и американском информационном поле.

Но внутри закрытой экосистемы Telegram картина была иной.

Спустя сутки после удара по подстанции, Анна сидела перед монитором, методично просматривая статистику репостов. Российские каналы, аффилированные с сетью профессора Дворкина, продолжали разгонять тему с пугающей интенсивностью. Публикации собирали миллионы просмотров. В комментариях бушевала ненависть,

подогреваемая профессиональными модераторами, которые направляли агрессию толпы в нужное русло.

Люди, живущие за тысячи километров от Киева, искренне требовали стереть город с лица земли, свято веря, что борются с мировым злом. Иллюзия страха и превосходства, о которой когда-то говорил информатор Пасюк, теперь работала в промышленных масштабах.

Журналистка открыла страницу своего собственного расследования, чтобы проверить комментарии читателей. Большинство выражало поддержку, некоторые задавали уточняющие вопросы по технической части монтажа.

Но один комментарий, оставленный десять минут назад с пустого, только что созданного аккаунта, заставил ее замереть.

Слова на экране не содержали критики статьи. Они не пытались оспорить факты или защитить российский телеканал. Это было личное, прицельное послание, бьющее точно в цель.

«Зря стараешься, писательница. Твой Гром тоже пытался лаять на тех, кто больше него. Мы помним, чем закончилась его симфония на Львовской. Небо над тобой такое же пустое, как и тогда».

Воздух в комнате внезапно стал тяжелым, вязким. Анна медленно убрала руки с клавиатуры.

Тринадцать лет.

Между отравленной собакой у мусорных баков в заснеженном киевском дворе и ракетным ударом по энергетической подстанции пролегла целая эпоха. Сменились правительства, начались войны, перекроились карты. Но люди, стоящие за этими событиями, остались теми же.

Они не просто следили за ее публикациями. Они помнили имя ее пса. Они помнили улицу. Они использовали терминологию Алексея — «симфония» — и повторяли мотив «пустого неба», уже появлявшийся в анонимных угрозах, демонстрируя абсолютную уверенность в своей безнаказанности.

Это не было случайной угрозой от анонимного тролля. Это была подпись архитектора, который наблюдал за ней всё это время, позволяя копать ровно до тех пор,

пока это не угрожало фундаменту его империи. И сейчас, оставив этот комментарий, он ясно давал понять: дистанция между ними сократилась до минимума.

Глава 10. Чаша для Мейендорфа

Шипение оцифрованной видеокассеты формата VHS заполняло тесный кабинет на четвертом этаже Института судебной психиатрии. На мониторе ноутбука, развернутом к гостевому креслу, зернистое изображение подрагивало от артефактов старой компрессии. За кафедрой, обитой дешевым светлым шпоном, стоял человек с окладистой бородой и тяжелым, немигающим взглядом. Год на таймкоде в нижнем правом углу светился тусклым зеленым цветом: тысяча девятьсот девяносто восьмой.

Анна Бойко сидела неподвижно, впившись взглядом в экран. Она впервые слышала этот голос не в сухих пересказах потерпевших, не со страниц расшифровок судебных заседаний, а вживую. Он звучал мягко, с легкой академической хрипотцой, убаюкивающе выстраивая ритм фразы, словно терпеливый лектор, объясняющий нерадивым студентам прописные истины мироздания.

— Бога нет, — произнес человек на видео, чуть наклоняясь к микрофону, отчего его лицо на секунду исказилось в объективе старой камеры. — Есть только абсолютно пустое небо. Я проверял.

Палец Ольги Величко опустился на клавишу пробела. Кадр замер, зафиксировав лицо выступающего Александра Дворкина в момент едва заметной, снисходительной полуулыбки.

— Слышишь интонацию? — спросила судебный психиатр, откидываясь на спинку рабочего кресла. — Он говорит, словно зачитывает отчет о рутинном лабораторном эксперименте.

Кабинет Величко напоминал бумажный лабиринт, переживший локальное землетрясение. Стопки папок теснились на широком подоконнике, громоздились на полу, занимали добрую половину массивного дубового стола. Двадцать пять лет работы с серийными преступниками, составления профилей для следственных органов и

анализа тяжелых психопатологий оставили на Ольге отпечаток жесткой, почти хирургической отстраненности. Короткая стрижка стального цвета, очки в строгой черной оправе и привычка смотреть на собеседника так, словно его черепная коробка была сделана из прозрачного стекла.

Журналистка поежилась, хотя чугунные батареи в помещении топили на полную мощность.

— Он не мог буквально забивать людей камнями в конце двадцатого века, да еще и публично признаваться в этом на камеру.

— В криминальном профилировании слишком яркие метафоры часто оказываются вытесненными воспоминаниями о реальных актах насилия, — Величко сняла очки и устало потерла переносицу. — Или, что еще опаснее, проекцией желаемого. Я применила к его автобиографическим текстам и публичным выступлениям методологию ретроспективного профилирования. Ту самую, которую разработали Джон Дуглас и Роберт Ресслер в поведенческом отделе ФБР.

Ольга потянулась к стопке бумаг и вытащила плотный картонный скоросшиватель.

— Обыватели привыкли искать монстров с бензопилами, прячущихся в темных переулках, — продолжила психиатр. — Но Дуглас еще в восьмидесятых доказал на тысячах интервью: самые страшные и успешные хищники социально адаптированы.

Они не бегают по улицам с ножом. Они мыслят системно. Они создают структуры. И их внутренний мир, их искаженная мотивация неизбежно проявляются в нарративе — в том, как они рассказывают о себе.

Величко раскрыла скоросшиватель. Внутри лежали ксерокопии старых машинописных листов с пометками на полях.

— Давай начнем с фундамента. Интервью тысяча девятьсот семьдесят девятого года для социологического проекта «Недавние советские иммигранты в Америке». Дворкин только перебрался за океан. Он подробно, даже с некоторой бравадой, описывает свое увлечение хиппи-движением, регулярное употребление психоактивных веществ. И, что самое интересное, то, как он, по его словам, симулировал тяжелое психическое расстройство, чтобы избежать призыва в советскую армию.

Психиатр пододвинула распечатку к Анне. Желтый текстовыделитель очерчивал абзацы, где молодой эмигрант рассказывал о своей работе в Москве.

— Читай вслух.

Журналистка пробежала глазами по выцветшим строчкам.

— «Вопрос: Вы упоминали, что также работали санитаром… Ответ: Да. Меня очень привлекает медицина, но я совершенно не разбираюсь в физике и химии. Я даже думал о медицинском образовании… Зато я немного занимался медициной самостоятельно».

— Самостоятельно, — эхом повторила Величко, чеканя слово. — В отделении реанимации. А теперь смотри сюда.

Она положила поверх интервью узкую полоску бумаги — копию архивной медицинской выписки.

— Это данные из архива Городской больницы номер шестьдесят семь. Шестое января семьдесят шестого года. Пациент работает санитаром в реанимации. Жалуется на слабость, утомляемость, безразличие ко всему. Экстравагантен, носит бороду и длинные волосы. Ему назначают амитриптилин. Сильный антидепрессант.

Тень от настольной лампы резко перечеркивала стол, деля лицо Ольги напополам. Анна свела брови, пытаясь соединить разрозненные факты в единую картину.

— Выбор места работы — отделение реанимации — это не случайность. Для человека с формирующимися садистическими наклонностями, полинаркоманией и комплексом бога реанимация представляет собой идеальную, стерильную среду обитания. Там граница между жизнью и смертью истончена до предела. Пациенты абсолютно беспомощны. Врачи постоянно перегружены и не следят за младшим персоналом. Санитар, который «самостоятельно занимается медициной», получает неограниченный доступ к телам, препаратам и судьбам. Именно там, среди пикающих мониторов, трубок ИВЛ и запаха хлорки, формируется его базовая когнитивная установка: он решает, кто будет жить, а кто умрет.

Величко отодвинула бумаги и положила на освободившееся место тяжелый том в глянцевой суперобложке. Название «Моя Америка» бросалось в глаза крупным, претенциозным шрифтом. Из обреза страниц торчали десятки разноцветных закладок-стикеров, превращая книгу в ощетинившегося ежа.

— Этот ретроспективный текст демонстрирует высочайшую степень нарративной самопрезентации, — Ольга постучала указательным пальцем по портрету автора на

обложке. — Это не мемуары в классическом смысле. Это масштабная постфактум-легитимация прошлого опыта. Дворкин формирует образ себя как просветленного экзистенциального наблюдателя. Но если применить к тексту инструменты лингвистического профилирования и убрать словесную шелуху, обнажается пугающий, стальной каркас.

Психиатр открыла книгу на одной из красных закладок.

— В поведенческом анализе есть термин «латентное убийство». Это скрытое, систематическое устранение людей, воспринимаемых субъектом как носители морального закона. Заменители совести или препятствия на пути к абсолютной власти. Такие формы лишения жизни не имеют признаков открытого уличного насилия. Они выглядят как естественные смерти. Инфаркты. Быстротекущий рак. Внезапная остановка сердца у пожилого человека.

Анна почувствовала, как в горле внезапно пересохло. В памяти мгновенно всплыли бледно-розовые гранулы на снегу во дворе на Львовской, остекленевший взгляд Грома, сухие строчки методички по «санитарии общества» и холодный голос Алексея на записи, обсуждающий подготовку людей к убийствам. Масштаб психопатологии, о котором сейчас говорила Величко, выходил далеко за рамки организованного уличного живодёрства или политических интриг. Это была бездна, в которую страшно было даже заглядывать.

— Почитай, с какой скрупулезностью он описывает смерти своих знакомых и духовных наставников, — психиатр перевернула страницу, указывая на выделенный абзац. — Это классическая нарциссическая потребность документировать чужую смерть. Серийные преступники такого типа стремятся к тому, чтобы жертва понимала происходящее, осознавала свою полную беспомощность и неизбежность исхода. Это дает им колоссальное, ни с чем не сравнимое удовлетворение. Они превращают акт ухода человека из жизни в спектакль собственной власти. И в своей автобиографии Дворкин выступает главным режиссером, осветителем и критиком этого спектакля. Он решает, как именно описать их конец. Он смакует детали похорон, последние дни агонии. Он пишет о том, что глубоко переживал эти смерти, но сама структура текста выдает его с головой.

— Каким образом? — тихо спросила журналистка, не узнавая собственный голос.

— Механизм моральной диссоциации, — Величко захлопнула книгу, оставив палец между страниц. — Происходит расщепление личности на «хорошее я» — заботливого ученика, верного последователя или милосердного санитара, — и «темное я», единолично контролирующее смерть. Он описывает процесс умирания авторитетных фигур с почти эстетическим наслаждением. Смерть для него — это не трагедия утраты. Это эстетико-онтологическое утверждение о «качестве смерти». Пространство для реализации комплекса богоподобия.

Ольга встала из-за стола, подошла к узкому окну и с силой повернула ручку, приоткрывая створку. В душный кабинет ворвался приглушенный гул вечернего киевского проспекта и влажный, прохладный воздух ранней весны.

— Самый показательный и пугающий эпизод в этом ряду — смерть протопресвитера Иоанна Мейендорфа, — произнесла психиатр, глядя на поток машин внизу. — Декан Свято-Владимирской семинарии. Духовный отец Дворкина. Человек колоссального международного авторитета. Он скончался от рака поджелудочной железы вскоре после собственной поездки в Россию.

— Рак поджелудочной развивается стремительно, Ольга Николаевна, — возразила Анна, инстинктивно стараясь держаться за спасительную, понятную логику медицинских фактов. — Это страшная, но совершенно естественная болезнь. Ее не вызывают искусственно.

Психиатр резко обернулась. В ее глазах горел холодный, безжалостный аналитический азарт профессионала, поймавшего след.

— Верно. Если рассматривать это исключительно как изолированный медицинский случай в вакууме. Но криминальное профилирование работает с поведенческими паттернами, мотивацией и контекстуальными связями. Обрати внимание на то, как именно автор конструирует этот эпизод в своей книге.

Она стремительным шагом вернулась к столу и вытащила из папки отдельный лист с выписанными столбиком цитатами.

— Здесь наблюдается выраженная нарративная двойственность. С одной стороны — показная идеализация Мейендорфа. С другой — постоянное латентное снижение его образа, скрытая критика его решений. Но самое страшное кроется в символических параллелях, которые автор выстраивает сознательно. В главу о смерти своего наставника

Дворкин внезапно, без всякой видимой логической необходимости, вплетает историческую легенду об отравлении Папы Римского Климента Второго.

Тонкие пальцы Величко прочертили в воздухе невидимую, жесткую линию.

— Знаешь, как, согласно этой легенде, отравили понтифика? Через евхаристическую чашу. Прямо во время таинства причастия.

Слова повисли в воздухе тяжелым, невыносимым грузом. Анна смотрела на психиатра, чувствуя, как по спине медленно ползет ледяной холод.

— Дворкин пишет, что перед последней поездкой Мейендорф служил литургию в академическом храме, а сам Дворкин присутствовал на службе и последовавшем приеме, — продолжала Величко ровным тоном, в котором не осталось ни капли эмоций. — Он скрупулезно приводит последние слова декана об «иконе Евхаристии», сказанные незадолго до кончины. А затем, словно закольцовывая сюжет, описывает свой сон, в котором покойный Мейендорф радостно совершает службу. Происходит жуткое символическое наложение: Евхаристия — яд — смерть. Сакральный акт, дарующий вечную жизнь, становится орудием убийства и центральным узлом повествования. Для человека с комплексом богоподобия превратить чашу причастия в яд — это высшая форма бунта.

Журналистка сглотнула, пытаясь протолкнуть застрявший в горле ком.

— Вы действительно предполагаете, что он мог…

— Я говорю исключительно о том, что вижу в структуре текста и поведенческой матрице, — жестко перебила Ольга. — В криминологическом профилировании детально описаны случаи, когда серийный убийца не просто лишает человека жизни, но инсценирует саму судьбу. Он представляет смерть как нечто абсолютно неизбежное и глубоко осмысленное. Дворкин прямо подчеркивает в тексте, что Мейендорф ушел именно в тот момент, когда его талант «был бы особенно необходим». Что он передал эстафету человеку, «работающему на Родину». То есть самому себе. Смерть авторитета произошла сразу после его отставки с поста декана и прямо перед началом новой, перспективной миссии Дворкина в России.

Величко оперлась обеими руками о столешницу, нависая над разложенными графиками и распечатками.

— Это кристально чистая проекция фантазии контроля. Он конструирует для себя иллюзию божественного провидения. Александр Шмеман, Иоанн Мейендорф, Глеб Каледа. Все эти смерти влиятельных духовных наставников происходили поразительно «удобно» и «вовремя», идеально совпадая с началом новой фазы его карьерного продвижения. Он пользовался безграничным доверием их семей. Имел свободный, неконтролируемый доступ в их дома. Для человека с латентной психопатической агрессией, который физически не терпит над собой морального контроля, устранение «Бога в человеке» — священника, наставника — это единственный способ занять его место на пьедестале. Доказать самому себе, что небо действительно пусто и Бог не придет на помощь своим верным слугам.

Тишина в кабинете стала плотной, почти осязаемой. Только отдаленный гул автомобильных шин по мокрому асфальту нарушал это гнетущее молчание. Анна перевела взгляд на закрытую обложку автобиографии. То, что несколько лет назад начиналось как локальное расследование деятельности группы уличных садистов, теперь окончательно разворачивалось в хтоническую, глобальную картину многолетнего, методичного и абсолютно безнаказанного зла, виртуозно маскирующегося под религиозную добродетель и защиту общества.

Ольга Николаевна молча взяла книгу со стола и перелистнула страницы на центральный блок с глянцевыми иллюстрациями.

Бумага явила старую, выцветшую по краям черно-белую фотографию. На ней был запечатлен щуплый мальчик лет восьми. Он стоял у края ванны или небольшого искусственного бассейна. В темной воде покачивался на волнах деревянный игрушечный кораблик.

— Внимательно посмотри на его правую руку, — тихо велела психиатр.

Рука ребенка была запечатлена объективом в странном, напряженном движении. Она не касалась мачты кораблика, не направляла его ход, а зависла прямо над ним. Пальцы были растопырены, словно невидимая, хищная клешня, готовая в любую долю секунды обрушиться вниз, изменить курс игрушечного судна или безжалостно пустить его ко дну. Лицо мальчика при этом оставалось абсолютно непроницаемым, пугающе взрослым и лишенным малейших признаков естественной детской радости от игры.

— Эта композиция иконографически идеальна, — голос Величко звучал глухо, как из-под земли. — Перед нами не просто старый снимок. Это визуальная метафора всей

его последующей жизни. Это застывшая поза человека с патологической, непреодолимой потребностью управлять чужой судьбой. Контролировать тех, кто слабее и зависимее. Будь то бездомная собака на заснеженной улице, беспомощный пациент в палате реанимации, стареющий духовный наставник или целое суверенное государство, ставшее мишенью его информационных кампаний. Разница только в масштабе доски, на которой он расставляет фигуры.

Анна медленно подняла глаза от фотографии. Внутри нее пульсировал главный вопрос, ради которого она проделала весь этот долгий путь сквозь архивы, ночные угрозы, взломанные базы данных и встречи с напуганными информаторами.

— Ольга Николаевна, — журналистка тщательно подбирала слова, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрогнул в тишине кабинета. — Ответьте мне прямо, как судебный эксперт. Учитывая все эти выявленные паттерны, одержимость смертью, фантазии абсолютного контроля, полинаркоманию в юности и эти слишком удобные исчезновения людей с его пути. Можно ли считать его серийным убийцей в строгом клиническом смысле этого термина?

Величко захлопнула книгу. Глухой, резкий хлопок плотных страниц прозвучал в тесном пространстве как финальный удар судейского молотка.

Она неспешно обошла массивный стол и присела на край столешницы, оказавшись на одном уровне с лицом Анны.

— Паттерн есть, — произнесла психиатр, тяжело чеканя каждый слог. — Все поведенческие маркеры налицо.

Ольга сделала долгую паузу. Ее взгляд, обычно отстраненно-аналитический, сейчас стал тяжелым, пронзительным и откровенно предостерегающим.

— Юридически у нас нет подтвержденных эпизодов убийства, которые можно было бы вменять ему на основании этих материалов. Анализ текстов и психологические реконструкции сами по себе не заменяют данные расследования, судебно-медицинские экспертизы и материальные улики.

— Но если предать этот анализ огласке… — начала Анна, чувствуя, как внутри закипает профессиональная ярость. — Если показать обществу, кто на самом деле десятилетиями стоит за этими государственными экспертизами, судебными процессами и обвинениями в сектантстве…

— Тебя просто уничтожат, — жестко, без тени сочувствия оборвала ее Величко.

Психиатр наклонилась вперед, так что ее лицо оказалось в густой тени от абажура настольной лампы.

— Послушай меня очень внимательно, Анна. Люди, с которыми ты вступила в противостояние, обладают безграничным медийным, финансовым и административным ресурсом. Они только что превратили целую страну в секту сатанистов в глазах миллионов телезрителей за один вечерний выпуск новостей. Если ты опубликуешь эту гипотезу о латентных убийствах без результатов вскрытия и подробной токсикологии тридцатилетней давности, без железных, неопровержимых материальных улик, тебя назовут клинически сумасшедшей быстрее, чем ты успеешь произнести слово «профайлинг».

Ольга указала долгим взглядом на застывший экран старенького ноутбука, где бородатый человек с неизменной, снисходительной полуулыбкой вещал о пустом небе.

— Они профессионально вывернут твое расследование наизнанку. Они публично заявят, что ты одержима безумной конспирологией. Что жестокая смерть твоей собаки окончательно сломала тебе психику и лишила критического мышления. Они применят лично к тебе ту самую методичку по социальной маргинализации и созданию информационного вакуума, которую ты сама же и обнаружила в их архивах. Твоя репутация независимого расследователя будет стерта в мелкий порошок за пару дней. А вместе с ней автоматически обесценятся и превратятся в пыль все реальные, с таким трудом добытые доказательства по сетям догхантеров, похищениям людей и фальшивым экспертизам.

Величко медленно выпрямилась, плотно скрестив руки на груди в защитном жесте.

— Ты не можешь официально обвинить неприкасаемого идола в убийстве святых старцев, основываясь исключительно на его литературных метафорах, описаниях снов и оговорках по Фрейду. Для такой битвы тебе нужен острый юридический скальпель, а не блестящий психологический портрет. Иначе ты просто станешь очередной безымянной жертвой, чью гибель — профессиональную, социальную или даже физическую — он потом с огромным эстетическим удовольствием опишет в своей следующей автобиографической книге.

Глава 11. Пустое небо над Ордынкой

Тяжёлый том уголовного дела опустился на полированную кафедру с глухим, почти торжественным звуком. В просторном зале Киевского суда повисла абсолютная тишина, прерываемая лишь мерным гудением системы кондиционирования под высоким потолком. Пылинки лениво кружились в широком луче утреннего солнца, пробивавшемся сквозь высокие окна и падающем прямо на стеклянный короб для подсудимых.

Короб пустовал. Главная обвиняемая покинула страну задолго до начала слушаний, но её физическое отсутствие парадоксальным образом делало происходящее ещё более значимым. Судили не просто человека — демонтировали многолетнюю систему.

Председательствующая судья Марченко, женщина с непроницаемым лицом и строгой гладкой причёской, открыла папку. Шорох плотной бумаги разнёсся по залу через чувствительные микрофоны.

— Именем Украины, — голос судьи звучал ровно, без малейших интонационных колебаний, разрезая накопившееся за годы напряжение. — Рассмотрев материалы уголовного производства, суд постановил…

Анна Бойко сидела во втором ряду, не отрывая взгляда от спины адвоката, представляющего интересы потерпевших. Журналистка машинально сжимала в руке диктофон, хотя в этом не было практической необходимости — заседание транслировалось официально. Десять лет работы, сотни бессонных ночей, угрозы, взломы и страх сжимались сейчас в сухие юридические формулировки.

— …признать четырнадцать экспертных заключений, выданных так называемым Центром исследований в период с две тысячи пятнадцатого по две тысячи двадцать третий год, полностью сфабрикованными, — продолжала Марченко. — Основываясь на результатах независимой комплексной судебно-лингвистической и психологической экспертизы, суд устанавливает, что данные документы не имеют научной ценности и создавались с прямым умыслом на дискредитацию граждан, общественных организаций и незаконное лишение их конституционных прав.

На скамье слева от Анны шумно выдохнул Дмитрий Сорока. Бывший координатор волонтёрского движения, чья жизнь была разрушена фальшивыми обвинениями в

создании культа, закрыл лицо руками. Его плечи мелко дрожали. Рядом с ним сидел Илья Нечаев. Молодой человек, прошедший через ад принудительного удержания в зарешёченном доме под Бучей, смотрел прямо на судью широко открытыми, немигающими глазами.

Позади Ильи находилась его мать. Валентина Нечаева сильно постарела за эти годы. Глубокие морщины прорезали её лицо, а волосы стали совершенно седыми. Когда судья произнесла слова о признании Ильи и Дмитрия потерпевшими по уголовному производству о незаконном лишении свободы, Валентина медленно, словно боясь нарушить невидимую преграду, протянула руку и коснулась плеча сына.

Илья не отшатнулся. Впервые за долгое время он повернул голову и посмотрел на мать без того затравленного, животного ужаса, который Анна видела в его глазах во время их первой встречи. Женщина подалась вперёд и обняла его — крепко, отчаянно, не оглядываясь по сторонам в страхе, что за этим жестом наблюдают невидимые кураторы. Страх, десятилетиями цементировавший эту структуру, начал рассыпаться прямо здесь, в зале суда.

— Суд также принимает во внимание показания свидетеля обвинения, — Марченко перевернула страницу.

Виктор Пасько сидел на первом ряду. Бывший участник сети, годами скрывавшийся за псевдонимами и передававший информацию в тёмных кафетериях, теперь находился здесь под своим настоящим именем. Его спина была неестественно прямой. Накануне, во время открытого допроса, он два часа методично, с инженерной точностью раскладывал перед судом схему работы силового блока. Виктор рассказывал, как именно оформлялись поддельные удостоверения прессы, как инструкторы обучали боевиков провоцировать конфликты на камеру, и как статус журналиста использовался для легализации насилия на улицах. Он назвал адреса тренировочных баз, имена кураторов и номера банковских счетов. Это был акт окончательного разрыва с прошлым.

— …свидетельские показания подтверждают наличие организованной структуры, использовавшей статус средств массовой информации для прикрытия незаконной силовой деятельности, — зачитывала судья. — Суд постановляет направить материалы в Службу безопасности для выделения в отдельное производство эпизодов, касающихся создания незаконных военизированных формирований.

Приговор звучал ещё сорок минут. Каждое слово вбивало гвоздь в крышку гроба системы, которая казалась неуязвимой. Когда Марченко объявила заседание закрытым и деревянный молоток сухо стукнул по подставке, зал не взорвался аплодисментами. Люди просто начали дышать.

Анна вышла в широкий, залитый светом коридор суда. Воздух здесь пах старым паркетом и свежей типографской краской. Дмитрий Сорока подошёл к ней, держа в руках заверенную копию резолютивной части. Он ничего не сказал, просто крепко пожал её руку. В этом молчаливом жесте было больше смысла, чем в любых благодарственных речах. Правосудие свершилось на бумаге, но настоящая битва за умы только выходила на глобальный уровень.

Месяц спустя гудение мощных проекторов под сводами вашингтонского конференц-центра сливалось с приглушённым многоязычным шёпотом сотен делегатов. Огромный зал, оформленный в строгих тёмно-синих тонах, собрал экспертов по безопасности, дипломатов и аналитиков из тридцати стран. На сцене, освещённой направленными софитами, стояла Анна Бойко.

Огромный светодиодный экран за её спиной отображал сложную, ветвящуюся хронологическую карту. Красные линии соединяли, казалось бы, разрозненные события, разбросанные по времени и географии.

— Мы привыкли искать угрозы в кибератаках, перемещениях войск или финансовых махинациях, — голос журналистки, усиленный качественной акустикой, звучал уверенно и чётко. — Но самая разрушительная технология последних десятилетий маскировалась под заботу о духовном здоровье общества.

Лазерная указка в руке Анны выхватила на экране первую дату. Две тысячи одиннадцатый год. Киев.

— Всё началось с малого. С розового снега во дворах спальных районов и мёртвых собак. Мы думали, что это локальная проблема уличной жестокости. Но это был полигон. Тестовая площадка для отработки методов дегуманизации и создания управляемых групп, готовых перешагнуть через базовую мораль.

Луч переместился правее. Две тысячи семнадцатый год.

— Те, кто прошёл инициацию насилием над животными, перешли к людям. Изоляция, психологическое давление, похищения под видом спасения от сект.

Технология маргинализации обкатывалась на уязвимых семьях. Они создавали прецеденты безнаказанности, приучая правоохранительную систему закрывать глаза на преступления, если те прикрывались правильными лозунгами.

Красная линия метнулась через весь экран, пересекая границы государств. Две тысячи двадцать третий год. Прага.

— А затем этот инструмент был экспортирован. Разгром синагоги в квартале Йозефов не был актом спонтанного антисемитизма. Это была спланированная операция, подготовленная месяцами целенаправленной информационной обработки. Тот же почерк. Те же псевдонаучные термины. Те же анонимные аккаунты, сеющие панику.

Анна сделала паузу, обводя взглядом притихший зал. В первом ряду сидели представители европейских делегаций, внимательно вслушиваясь в синхронный перевод.

— Ярлык «секта» стал универсальным оружием. Он позволяет лишить любую группу людей — от волонтёров до целого государства — базовых прав, вычеркнуть их из правового поля и оправдать любое насилие по отношению к ним. Это не религиозная полемика. Это гибридная война.

В зале началось тихое движение. Журналисты на задних рядах застучали по клавиатурам ноутбуков.

— И пока мы продолжаем относиться к ним как к эксцентричным религиозным философам, они продолжают строить свои сети в наших городах.

Выступление завершилось без пафосных призывов. Экран погас, оставив лишь строгий логотип форума.

В кулуарах к Анне подошёл высокий мужчина в безупречно скроенном сером костюме. На его лацкане не было бейджа участника. Короткая стрижка с проседью и цепкий, оценивающий взгляд выдавали в нём человека, привыкшего слушать больше, чем говорить.

— Мисс Бойко, — он протянул руку. Его английский был лишён какого-либо акцента, звучал ровно и профессионально. — Джон Миллер. Управление по оценке внешних угроз.

Они отошли к панорамному окну, за которым расстилался вид на залитый солнцем Потомак.

— Ваш доклад вызвал серьёзный резонанс на закрытых брифингах, — негромко произнёс Миллер, глядя на реку. — Картография сети впечатляет. Вы предоставили недостающее звено между уличным радикализмом и государственным финансированием.

— Картография бесполезна, если по этим координатам никто не наносит удар, — ответила Анна, делая глоток минеральной воды. Горло пересохло от долгой речи.

Сотрудник спецслужбы позволил себе едва заметную усмешку.

— Удары наносятся. Вчера были заморожены счета трёх фондов в Швейцарии и Австрии, через которые шло финансирование центров экспертизы. Ваши материалы переданы в отделы контрразведки стран Балтии и Центральной Европы. Мы гарантируем, что расследование получит международную защиту. Любые попытки физического или цифрового давления на вас или ваших информаторов теперь будут рассматриваться как атака на свидетелей по делам о национальной безопасности.

Он повернулся к журналистке, и его лицо стало предельно серьёзным.

— Но вы должны понимать одну вещь. Сеть, которую вы вскрыли, строилась тридцать лет. У неё высочайшая степень резервирования. Они сидят в своих кабинетах, защищённые государственными границами и ядерным зонтиком. Они не остановятся. Они просто изменят тактику.

Анна посмотрела на воду, по которой медленно плыл прогулочный катер.

— Я знаю, — тихо сказала она. — Но они потеряли главное. Они потеряли монополию на страх и темноту. А без этого их власть иллюзорна.

Дождь хлестал по тёмным стёклам кабинета на Большой Ордынке с методичной, безжалостной монотонностью. Вода стекала по стеклу извилистыми ручьями, искажая свет уличных фонарей и фары проезжающих по мокрому асфальту автомобилей. Внутри было тепло, пахло дорогой кожей кресел и старой бумагой, но этот уют казался сейчас искусственным, хрупким.

Плазменная панель на стене беззвучно транслировала вечерний выпуск новостей государственного канала. Александр Дворкин сидел в кресле, сцепив пальцы в замок на уровне подбородка. Его взгляд был прикован к экрану.

Ведущий программы, молодой человек с безупречной укладкой и поставленным баритоном, рассказывал о дипломатическом скандале вокруг резолюции ПАСЕ.

Картинка сменилась на кадры вашингтонского форума. Мелькнуло лицо Анны Бойко за трибуной. Затем на экране появился силуэт человека, лицо которого было скрыто в тени, а голос изменён.

Титры гласили: «Бывший сотрудник центра экспертизы».

Дворкин потянулся к пульту и включил звук.

«…эта структура давно вышла из-под контроля государства, — вещал искажённый голос. — Идеолог центра, создавший систему религиоведческой экспертизы, фактически выстроил параллельную реальность. Они фабриковали данные не только для внешнего потребления, но и вводили в заблуждение руководство нашей страны, преследуя собственные коммерческие и властные интересы. Их радикальные методы сейчас используются западными спецслужбами для дискредитации России на международной арене».

Ведущий в студии сочувственно покачал головой.

«Компетентные органы уже начали проверку деятельности ряда общественных фондов, чьи руководители, прикрываясь высокими духовными целями, годами наносили ущерб репутации государства», — подытожил диктор, переходя к новостям экономики.

Экран погас. В кабинете остался лишь шум дождя.

Имя не было названо. Ни разу за весь сюжет. Но в информационных войнах такого уровня имена не нужны — важен сигнал. И сигнал был кристально ясен: система начала процесс отторжения. Государственная машина, которую он десятилетиями использовал как инструмент для уничтожения своих врагов, теперь медленно поворачивала свои жернова в его сторону. Его признали токсичным. Слишком много шума, слишком много международных скандалов, слишком очевидный провал в Киеве и Праге.

Он больше не был архитектором. Он становился громоотводом.

На массивном дубовом столе, прямо под светом зелёной лампы, лежала раскрытая книга. Глянцевая суперобложка с названием «Моя Америка» чуть загнулась на углах. Книга была открыта на центральном блоке с фотографиями.

Щуплый восьмилетний мальчик смотрел со старого чёрно-белого снимка недетским, тяжёлым взглядом. Его правая рука зависла над деревянным игрушечным корабликом, качающимся в тёмной воде. Растопыренные пальцы, готовые обрушиться вниз, изменить курс, пустить ко дну. Идеальная метафора абсолютного контроля.

Дворкин медленно протянул руку и закрыл книгу. Глухой хлопок страниц прозвучал в тишине кабинета как выстрел.

Он тяжело поднялся из кресла. Возраст давал о себе знать тупой болью в пояснице и тяжестью в ногах. Подойдя к окну, он прижался лбом к холодному стеклу.

Внизу, на Ордынке, суетились люди под зонтами, разъезжались машины, пульсировала жизнь огромного, равнодушного города. Но Дворкин смотрел не на улицу. Он смотрел вверх.

Туда, где за низкими, тяжёлыми московскими тучами скрывалась ночная пустота.

Сорок лет назад, стоя на обочине пыльной ставропольской трассы, бросив работу в реанимации и спасаясь от собственных теней, он смотрел в такое же небо. Тогда он бросил вызов этой пустоте. Он решил, что если Бог не приходит на помощь, значит, место свободно. Значит, он сам вправе решать, кто достоин жить, кто заслуживает разрушенной репутации, кто отправится в тюрьму, а кто умрёт от быстротекущего рака или отравленных гранул на снегу.

Он строил свою империю на страхе и покорности. Он заставлял миллионы людей верить в придуманные им угрозы. Он упивался властью над человеческими судьбами, дергая за ниточки судей, прокуроров, министров и уличных садистов.

Но сейчас, глядя в залитое дождём окно, он чувствовал, как эта власть утекает сквозь пальцы, словно вода.

Женщина из Киева, чью собаку убили его пешки тринадцать лет назад, не испугалась. Она не сломалась под угрозами, не отступила перед фальшивыми обвинениями. Она методично, шаг за шагом, распутала весь клубок, вытащив его на свет. И оказалось, что на свету его страшная, всемогущая сеть — лишь скопление трусов, готовых предавать друг друга при первой же опасности.

Небо над Москвой оставалось абсолютно пустым. Никто не собирался приходить ему на помощь. Иллюзия богоподобия, которую он лелеял всю жизнь, разбилась о банальную реальность уголовных кодексов и международных резолюций.

Резкий, пронзительный звонок правительственного аппарата спецсвязи на столе разорвал тишину кабинета.

Аппарат звонил с настойчивостью, не терпящей отлагательств. Красный индикатор на панели мигал в такт гудкам, отбрасывая тревожные блики на полированное дерево и закрытую обложку автобиографии.

Дворкин не пошевелился. Он продолжал стоять у окна, глядя, как капли дождя медленно сползают по стеклу, стирая границы между светом и тьмой. Звонок продолжал разрываться за его спиной, требуя ответа, требуя подчинения, но рука, привыкшая управлять судьбами, так и осталась безвольно висеть вдоль тела.